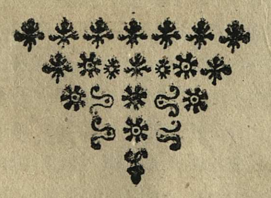
СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

сочиненія

ГОСПОЖИ ГОМЕЦЪ

ТОМЪ II.

съ Французскаго на Россійской языкъ переведенъ.

въ Санктпетербургѣ
1765 года.

СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

САМОСЪ.

Естьли бы люди увѣрены были, что не всегда высокая природа ведетъ ихъ къ честолюбію, и что они гораздо болѣе въ состояніи удовольствовать оное своими добродѣтельми, нежели великостію своего рода, они не столько смотрѣли бы на знатность своихъ прародителей, сколько на благородность своихъ мыслей, и увидѣли бы, что гораздо славнѣе обязану быть за возвышеніе свое собственнымъ своимъ заслугамъ,

нежели имяни своихъ предковъ. Но большая часть людей возносящихся титуломъ знатнаго рода съ презренiемъ принимаютъ техъ, которымъ богъ не даровалъ сего преимущества, и не разсуждая, что добродетель есть наилучшiй даръ, не удостоиваютъ того прiятнымъ взглядомъ, которой ею владетъ, ежели онъ не знатной крови. Сколь много увидели бы великихъ людей изъ ничего произходящихъ, ежели бы имъ позволено было сообщенiе иметь съ другими; но подначальство владеющее между большими и малыми препятствуетъ перьвымъ смотреть на то, что имъ кажется превосходнее ихъ самихъ, а последнимъ даетъ такую боязливость, что они не въ силахъ показать того добра, которое въ нихъ есть. Думаютъ, что художникъ родился для своего художества, что детямъ должно держаться промысла своего отца, и что ничто кроме подлаго произойти не можетъ отъ простой породы, и такъ утверждены будучи въ семъ мненiи ищутъ великихъ токмо въ самомъ величестве, и не думаютъ, что наидрагоценнейшiя сокровища сокры-

ты

ты въ нѣдрахъ земли, что жемчугъ бываетъ въ грязи и тинѣ морской, что надобно оныхъ искать, и выкапывать золото на свою пользу, и что металлы не растутъ на вершинахъ горъ, но для полученія ихъ надобно доставать ихъ изъ темноты.

Въ то время когда Гуны воевали въ нѣкоторой части Европы, и когда Аттила ихъ Царь показывалъ мучительство свое народу живущему въ Германіи, бѣдной Французской купецъ, изъ тѣхъ, которыя переходя изъ города въ городъ на плечахъ носятъ всѣ свои товары, доставалъ съ великимъ трудомъ потребное къ воспитанію сына своего, котораго предрагіе качества дѣлали совокупно ему радость и болѣзнь. Самосъ, такъ было имя его сына, украшенъ былъ всѣми душевными и тѣлѣсными дарованіями, казалось, будто естество сожалѣя о низкости его породы, одарило его всѣми потребностьми къ украшенію человѣка, дабы тѣмъ наградить недостатокъ въ его родѣ.

Отецъ его не смотря на подлое свое состояніе, увидѣлъ, что онъ достоинъ гораздо щастливѣе быть, благодарилъ бога, что здѣлалъ его

отцомъ такого сына, и многажды не могъ удержаться отъ слезъ о томъ, что онъ не даровалъ ему знатнаго рода или покрайней мѣрѣ способовъ къ возведенiю себя сверьхъ своего рожденiя, дабы снискать ему опредѣленiе достойное къ произведенiю на свѣтъ дарованныхъ ему отъ него добротъ. Между тѣмъ, хотя онъ не ласкалъ себя премѣнить его состоянiе; однакожъ не хотѣлъ укоряемъ быть въ упущенiи по возможности потребнаго къ приведенiю его въ совершенство. Въ семъ намѣренiи употреблялъ всю получаемую прибыль отъ своего малаго промысла на его воспитанiе, которое бы могло его вывесть изъ сего бѣднаго состоянiя.

Молодой Самосъ пользовался тѣмъ такъ изрядно, что въ восмнатцать лѣтъ возраста своего, какъ въ вещахъ потребныхъ къ украшенiю нрава такъ и въ кавалерскихъ обученiяхъ превзошелъ своихъ учителей, которые почитая его ученикомъ могущимъ здѣлать имъ честь и славу распространяли сами достойныя объ немъ похвалы, и старались по возможности здѣлать его щастливымъ, оружiе болѣе всего плѣняло его сердце,

героичной

героичной его духъ не находилъ ни въ чемъ истинной славы кромѣ сего промысла, которой произноситъ оную славными дѣлами, однакожъ не хотѣлъ быть между военными простымъ солдатомъ, желалъ имѣть титулъ гораздо выше сего, чтобъ въ случаѣ показать свою храбрость. Но сїе благородное честолюбїе не могло никакого дѣйствїя имѣть во Францїи. Всѣ его любили, всѣ удивлялись ему; но когда доходила рѣчь, чтобъ дать ему мѣсто между военными возносящимися благородною своею природою, тогда укоряли его въ его подлости и каждой обиженнымъ себя почиталъ, чтобъ сынъ бѣднаго и подлаго купца смѣлъ требовать съ ними равенства. Столь видимое презрѣнїе принудило Самоса намѣриться оставить свое отечество, и искать мѣста способнѣйшаго къ благородности своихъ движенїй; а въ то время отецъ его смертїю своею оставилъ, послѣдовать своей волѣ. Такимъ образомъ намѣрился онъ ѣхать въ Германїю, гдѣ варваръ Аттила наполнялъ все кровїю и огнемъ. Помощїю нѣкоторыхъ богобоязливыхъ прїятелей и малымъ наслѣдствомъ оставшимъ

послѣ отца, сдѣлалъ себѣ екипажъ достаточной къ превосходству своего рода, и доѣхавъ до Коринфскихъ границъ, свѣдалъ, что Гуны чинятъ тамо престрашныя разоренія, что Коринфской Царь убитъ въ баталіи, фамилія его пресѣклась, кромѣ одной молодой Принцесы послѣдней Царской дочери, которая какъ чаютъ спаслась вымысломъ и стараніемъ одного изъ министровъ, которой еще противится непріятелямъ съ малымъ войскомъ оставшимъ послѣ послѣдней баталіи, но что все сіе царство находится въ прежалкомъ разореніи.

Сіе извѣстіе произвело въ Самосѣ желаніе къ прославленію себя по своимъ движеніямъ. Коринфъ казался ему позорищемъ достойнымъ его дѣйствъ, и чрезъ неопредѣленное нѣкоторое движеніе думалъ, что слава о прогнаніи Гуновъ и о возведеніи Принцессы Коринфской на престолъ, ни кому не соблюдена кромѣ его.

Онъ освѣдомился о имени и о состояніи того Министра, которой купно и войскомъ командовалъ, имя его было Боюсъ, происходилъ отъ великаго Тефтія перьваго Царя Германскаго, нравъ сего Генерала довольно

пока-

показывалъ знатную его природу. Онъ былъ храбръ, снисходителенъ и великодушенъ, любилъ добродѣтель, предпочиталъ оную всегда природѣ, и не пропускалъ никогда случаевъ къ награжденїю оной. Вѣрность его и услуги къ своимъ Государямъ были непоколебимы, и Коринфяне со всѣми нещастїями своими надѣялися еще побѣдить непрїятеля, пока предводителемъ имѣть будутъ сего великаго Героя. Боюсовы свойства столь сходственны были съ Самосовыми, что онъ не стерпимо желалъ здѣлаться ему знакомымъ. Онъ освѣдомясь о дорогѣ, которою ему ѣхать надлежитъ къ его лагерю, вступилъ въ путь; но сїи мѣста наполнены будучи горами и лѣсами трудными къ проѣзду, принуждали его часто отдыхать въ малыхъ деревенькахъ, которыхъ бѣдность и дикое уединенїе сохранило отъ лютости непрїятельской. Нѣкогда утомясь онъ больше прежнихъ дней, вошелъ въ пастушей шелашъ, чтобъ принять нѣсколько отдохновенїя, и принятъ былъ отъ живущагов нем пастуха съ такою ласкою, что намѣрился пробыть въ немъ больше, нежели въ прежнихъ.

пастухъ былъ старикъ постояннаго виду, которой чрезъ поступки свои казался не при стадахъ быть воспитанъ, младость и пріятности господствующіе во всемъ Самосовомъ видѣ сдѣлали его внимательнымъ, а познавъ по нарѣчію его, что онъ не изъ числа варваровъ принялъ его, какъ своего сына. Онъ былъ тогда одинъ; чего ради упросивъ его принять покой, разсказывалъ ему нѣсколько о нещастіи своего отечества и о страхѣ, которой онъ имѣетъ о томъ, чтобъ Коринфяне совершенно не приведены были подъ иго своихъ непріятелей. Самосъ надѣясь, что сей пастухъ можетъ его еще лучше увѣдомить о обстоятелствахъ сего государства, нежели тѣ, съ которыми онъ прежде о томъ говорилъ, свидѣтельствовалъ ему, сколь чувствителенъ онъ о разореніи сего народа, и открылъ ему, что онъ намѣренъ ѣхать въ Боюсовъ лагерь, и биться противъ непріятелей подъ его предводительствомъ. Симъ разговоромъ склонилъ онъ еще больше пастуха къ своей любви, которой ему говорилъ. Храброй чужестранецъ, я весьма радъ, что ты утверждаешся въ томъ намѣреніи

ренїи оно само собою похвально, Небо въ преславной путь ведетъ стопы твои; твое лице обѣщаетъ великїе дѣла, и я вижу въ другъ столь много чюдесъ, что ежели бы я сумнѣваться могъ о моемъ знанїи, то подумалъ бы, что я во снѣ тебя вижу! о боже мой! сколь много удовольствовано будетъ твое честолюбїе, сколько чести получишъ ты и сколько славы!

Отецъ мой, говорилъ Самосъ, пресѣкши рѣчь его, ежели я щасливъ буду получить то великое достоинство, которое ты мнѣ предсказуешъ, то не желаю что бы то учинилось чрезъ мое честолюбїе, но паче чрезъ добродѣтель, отъ которой я никогда удалиться не хочу, а познавая по твоимъ главамъ, что ты познанїе имѣешъ о будущемъ безъ сомнѣнїя чрезъ астрологическую науку; прошу несказывать мнѣ ничего, дабы не то, что ты мнѣ обѣщать можешъ, предводительствовало дѣла мои, но чтобъ одна честь всегда была оныхъ причиною. Твой разумъ, сынъ мой, отвѣчалъ старикъ, умножаетъ мое удивленїе, не опасайся, чтобъ я хотѣлъ умен-

шить оное безразсуднымъ велерѣчїемъ весьма сроднымъ къ моей старости, хотя бы ты и не напомнилъ мнѣ о молчанїи, однако другїе еще притчины удерживаютъ меня оное нарушить, ето правда, что я съ ребячества еще вдался въ сїю науку, но чтобъ ты не подумалъ, что я живу здѣсь волшебникомъ; и хотѣлъ бы пользоваться твоею лехковѣрностїю, то вѣдай, что я сїе обычайное имѣю съ большею частїю Германцовъ рожденныхъ съ такою склонностїю къ сей наукѣ, что для сей оставляютъ почти всѣ протчїя. Я родился отъ фамилїи благородной въ Коринфѣ, имѣлъ не малой чинъ при дворѣ, и несмотря на мою должность и любовь ко оружїю, которое я всегда носилъ по самое то время, какъ уже старость лишила меня потребныхъ къ тому силъ, я вдался съ такою прилѣжностїю астрологїи, что получилъ гораздо не малой въ ней успѣхъ, однакожъ не такъ далеко, чтобъ непремѣнными почиталъ всѣ признаки, и знаю все совершенно, что есть такая всемогущая власть, которая движитъ и управляетъ всею тварїю, и коей предѣлы непостижимы; не испыти-

испытны, по чему и думать не могу, чтобъ онѣ мнѣ извѣстны были по правиламъ моей науки, но признаваюсь, что тебя увидя, не знаю, что сильное принудило меня говорить. Между тѣмъ обманываюсь ли я или нѣтъ, только радъ, что случай тебя привелъ сюда, и могу тебѣ небезполезенъ быть въ твоемъ намѣренiи, и ежели ты подлинно желаешъ ѣхать къ нашему Генералу, онъ меня подлинно любитъ, избралъ меня проводникомъ молодой Принцессы Карменiи, когда увезъ ее отъ опасностей грозящихъ резиденцiи нашей Клагефурту. Я съ моею фамилiею проводилъ ее въ сiю пустыню, и здѣсь воспитывалъ ею со всякимъ старанiемъ и со всякою тайностiю, но въ полности сей нашей надежды, похитила ее отъ насъ смерть въ тако время когда мы того отнюдъ не чаяли. болѣзнь о семъ лишенiи и житiе мое въ здѣшней отдаленности отняли все желанiе мое къ честолюбiю, и такъ остался я здѣсь съ женою моею и съ дочерью, изъ коихъ состоитъ теперь вся моя фамилiя, и здѣсь намѣренъ жить во всякомъ уединенiи, имѣя здѣсь нѣсколь-

ко

ко стадъ пасущихъ отъ малаго числа крестьянъ здѣшней области, жена моя и дочь удалясь со мною отъ свѣту и суеты, провождаютъ въ невинности дни свои, и веселятся иногда смотря на пасущіяся свои стада, и гуляя въ сихъ пустынныхъ мѣстахъ, куда боюсъ будучи, всегда мнѣ пріятель, присылаетъ въ каждую недѣлю о себѣ ко мнѣ вѣдомость и оборону, когда чаетъ мнѣ во оной быть нуждѣ. Такимъ образомъ, храброй чужестранецъ! ежели тебѣ не будетъ безпокойно, и буде непрезришъ простоты мѣста сего, то я совѣтую не отъѣзжать отъ сюда прежде, развѣ съ тѣми, которыхъ конечно чрезъ недѣлю Генералъ ко мнѣ пришлетъ.

Самосъ не могъ сдержаться засвидѣтельствовать сему старику, чувствуемую печаль въ себѣ о Принцессеной смерти. Желаніе, чтобъ за нее биться, больше всего участіе имѣло въ его намѣреніи; наконецъ благодаря ево за одолжительной его совѣтъ, склонился на оной, увидя, что ему гораздо полезнѣе будетъ явиться боюсу съ рекомендаціею отъ его пріятеля, нежели только не знакомымъ, и такъ

и такъ ежели я, говорилъ, могу безъ утеснения васъ жить съ вами до прибытия тѣхъ, ково вы ожидаете, то будьте надежны, что мнѣ шелашъ вашъ будетъ вмѣсто великолѣпнѣйшаго дому. При окончании сихъ словъ увидѣлъ онъ вшедшихъ двухъ пастушекъ, изъ коихъ одна какъ скоро ево увидѣла закрыла тотъ часъ лице свое покрываломъ, а другая подошедъ съ нѣкоторыми знаками удивления, представила глазамъ ево женщину гораздо уже не молодую, но такого виду и такой поступки, которые довольно показывали, что она не такая, какову платье ее представляло.

Она поклонилась Самосу, и подошедъ къ старику, говорила ему нѣчто наухо, на что онъ такимъ же образомъ отвѣтствовалъ, а потомъ возвыся голосъ свой и смотря на Самоса, говорилъ: ты видишъ, храброй иностранецъ, вѣрную подругу добровольной моей ссылки, а въ сей молодой пастушкѣ, указавъ на ту, которая покрываломъ была покрыта, единой плодъ нашего супружества: вложенной отъ варваровъ въ насъ страхъ есть притчиною, что они скрываются отъ глазъ

всякого человѣка, которой кажется имъ не быть пастухомъ, и сїе принудило Зелониду предъ тобою закрыться, при семъ приказалъ ей лице свое открыть, въ которомъ такую удивительную красоту увидѣлъ Самосъ, что невозмогши скрыть учиненнаго оною въ сердцѣ своемъ движенїя, вскричалъ, о! Небо, какїе доброты, и какая честь можетъ сравнительна быть владѣнїю подобнаго сему сокровища.

Я сожалѣю о сихъ добротахъ только для сего, отвѣчалъ старикъ, не удивляясь Самосову восхищенїю, а тѣмъ времянемъ, какъ онъ говорилъ такимъ образомъ, прекрасная Зелонида столько же изумясь о добротахъ сего чужестранца, сколько онъ о ее красотѣ премѣнялась нѣсколько разъ въ лицѣ своемъ на него смотря отъ различныхъ движенїй, которые вдругъ въ себѣ почувствовала; стыдъ принуждалъ ее краснѣть, тайной страхъ принуждалъ блѣднеть, а нѣжныя нѣкоторыя движенїя въ пользу сего любезнаго чужеструнца вводили ее въ такое смущенїе, которое преодолѣть была безсильна. Самосъ нимало неспокойнѣе ее былъ, но любовь которой по сїе время онъ еще не зналъ власти, овладѣла

сердцемъ

сердцемъ его призракъ такой удивительной красоты съ такою силою, что ему весь разумъ потребенъ былъ ко утаенїю оной.

Алманусъ, такъ звали пастуха, разсматривалъ ихъ обоихъ съ такою прилѣжностїю, что провидѣлъ ихъ тайныя чувствїи, но притворясь, будто ихъ не примѣтилъ, старался только угостить гостя своего со всякою честїю и чувствуемымъ къ нему въ себѣ почтенїемъ; для сего призвавъ нѣсколькихъ пастуховъ служащихъ ему въ домѣ, приказалъ приготовить деревенской обѣдъ, которой своимъ преизряднымъ вкусомъ и прїятностїю угощенїя казался Самосу великолѣпнымъ пиромъ. Молодой воинъ ѣлъ мало, но больше старался разсматривать Зелониду, пастухъ, желая его пространнее познать и надѣясь получить его повѣренность во открытїи его рода, просилъ его объявить ему свое имя, и что принудило его оставить свое отечество.

Но Самосъ довольно уже позналъ презрѣнїя людей и намѣрясь, чтобъ его дѣла служили ему въ мѣсто фамилїи, отвѣчалъ: я прошу позволить мнѣ содержать тайно то, что вы

знать

знать желаете, человѣкъ не имѣетъ имяни, какихъ ни имѣлъ бы предковъ, еже не здѣлалъ ничего славнаго и достойнаго чести. Я хочу назваться тѣмъ именемъ какое дастъ мнѣ честь, и хочу родъ мой имѣть отъ себя самого, получивъ такую славу, которая бы вознесла меня на верьхъ достоинства и щастія; въ семъ намѣреніи я выѣхалъ изъ моего отечества, я послѣднѣйшей въ человѣческомъ родѣ, потому что ничего еще не здѣлалъ достопамятнаго, и желая возвысить себя отмѣнными дѣлами, чаялъ бы помрачить мои желаніи, ежели бы открылъ мое имя, не здѣлавъ ничего знатнаго.

Кто бы ты ни былъ, отвѣчалъ Алманусъ, исполненъ удивленія, таковые чувства превозносятъ тебя уже предъ всѣми людьми. Сохраняй ихъ, сынъ мой, и отпусти мнѣ мое любопытство, я не простру оное далѣе, чтобъ не быть тебѣ тѣмъ неугоднымъ. Посемъ премѣнивши разговоръ увѣдомилъ его о обычаяхъ и состояніи Коринфянъ, о силахъ оставшихъ ко оборонѣ отъ непріятеля, о образѣ воеванія и сраженія Гуновъ, о варварствѣ ихъ и о жестокости Аттиллы, которой не боясь грому

грому, могущаго низпасть на главу его отъ бога, накотораго онъ хулу возлагалъ велѣлъ всѣмъ называть себя бичемъ божiимъ, потомъ разсказавъ ему знатнѣйшихъ офицеровъ боюсова войска и засѣдающихъ въ совѣтѣ, пространно описалъ ему настоящее состоянiе Коринфа, увѣдомилъ его, что когда Аттила завладѣлъ Клагенфуртомъ, столичнымъ городомъ, выигравъ баталiю у Коринфянъ, тогда боюсъ не довольно силы имѣя кo осажденiю онаго, сталъ въ лагерь въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ города, и оттуда тревожитъ непрiятеля столь сильно, что надѣется принудить его къ вторичной баталiи, которая токмо одна можетъ предѣлъ положить одной или другой сторонѣ, что войски боюсовы прирастаютъ каждой день и исполнены храбрости и ревности, но неравны числомъ непрiятелю, и безъ той чудной помощи, говорилъ онъ, которую богъ приготовляетъ Коринфянамъ несомнѣвался бы я о совершенномъ разоренiи нещастливой сей земли.

Самосъ не очень внимая то, что старикъ прежде ему сказалъ о своей наукѣ, и не чая, чтобъ сей разговоръ имѣлъ съ оною нѣкоторое совокупленiе,

спросилъ у него, какая то помощь, о которой онъ говоритъ, но старикъ, раскаясь, что много ему открылъ, отвѣчалъ ему усмѣхаясь, что ему непозволено о томъ объявлять, но онъ узнаетъ то скоро самъ, какъ скоро только за Коринфянъ оружїе приметъ. Съ симъ разговоромъ окончался обѣдъ, во время котораго Зелонида и ея мать очень мало говорили. Алманусъ проводилъ Самоса въ шелашъ стоящей подлѣ его, въ которомъ онъ нашелъ всю потребное къ покою дорожнаго человѣка, просилъ его требовать всего что потребно будетъ, и давъ ему для услугъ двухъ пастуховъ, оставилъ свободно размышлять о его прикаюченїи.

Какъ скоро онъ остался одинъ, то отдавшись своей раждающейся любви, и повторяя въ умѣ своемъ всѣ Алманусовы слова, почувствовалъ въ первой разъ жизни своей претяжкую болѣзнь о посредствѣ своего щастїя и о лютости своей судбины принуждающей любить его такую особу, которую онъ не по богатству ни по роду своему требовать не можетъ, хотя только простой пастухъ нынѣ Алманусъ, однакожъ прежде былъ знатенъ

женЪ между Коринфянами, онЪ здѢлался пастухомЪ отЪ одного токмо нещастія, которое вЪ одинЪ часЪ окончаться можетЪ, и чтобЪ тѢмЪ избѢжать мучительства непріятеля своего отечества, но еще больше обязанЪ кЪ тому ревностію своею кЪ своимЪ ГосударямЪ, нежели страхомЪ неволи, ежели бы непріятель былЪ побѢжденЪ, то пастухЪ АлманусЪ здѢлался бы опять знатнѢйшимЪ человѢкомЪ государства, а Зелонида вступивши вЪ свое достоинство видѢла бы только однихЪ Царей себя превосходящихЪ. Влюбившейся СамосЪ погруженЪ будучи вЪ сихЪ разсужденіяхЪ и не нашедЪ нималаго вида кЪ полученію себѢ щастія, изгонялЪ страсть свою всѢми разсужденіями достаточными кЪ испровержению оной. МнѢ ли, говорилЪ, простерти взорЪ на сію совершенную красоту, мнѢ ли ее любить, мнѢ ли ласкать себя полученіемЪ взаимной ея любви. АхЪ, ежели бы я хотя великимЪ богатствомЪ наградить могЪ сіе жестокое состояніе, вЪ которое судьба ее ввела, можетЪ быть унизила бы она себя меня любить! но увы, что могу представить тебѢ, любезная Зелонида,

лонида, сердце любовiю къ тебѣ горящее, желанiе безпримѣрное сдѣлаться тебя достойнымъ, и нѣсколько чувствiй добродѣтели, въ томъ только состоитъ мое богатство; однакожъ стану любить Зелониду, когда умереть и ее не любить, для меня равно, и стану стараться получить столько славы, чтобъ ей показать могъ, что меня хотя Небо лишило достоинства и знатнаго рода, которыми бы ей равенъ быть могъ; однакожъ даровало мнѣ честь къ заслуженiю оныхъ.

Тѣмъ временемъ какъ Самосъ такъ разсуждалъ, Алманусъ больше увѣренъ своею наукою, нежели ему себя показалъ, обнадеживалъ свою жену, что конецъ приближается всѣмъ нещастiемъ ихъ отечества. Сей то есть прекрасной чужестранецъ, которой избавитъ насъ отъ мучительства Гуновъ, я конечно не обманываюсь въ моей наукѣ, и преодолѣю наконецъ боюсово невѣроятiе, какая радость, любезная Креона, какая утѣха будетъ тебѣ видѣть Зелониду щастливу!

Разумная Креона, (такъ звали пастухову жену) не столь чувствительна

дьна обѣщаемомъ ей отъ него благополучіи, сколько о настоящемъ ея нещастіи, но несмѣя показать ему невѣроятіе свое о его наукѣ, слушала его безъ всякаго отвѣта, но услыша Зелонидино имя, отвѣчала: Сколько ни увѣренъ ты сею щастливою премѣною, однакожъ прошу не открывать ничего о томъ Зелонидѣ, наша должность требуетъ отъ насъ ко охраненію ея отъ такихъ чувствій, кои бы противны были ея покою. Ежели сей иностранецъ подлинно тотъ, которого Небо ей назначило, то должно предаться намъ власти Всемогущаго провидѣнія, не присовокупляя къ тому слабыхъ силъ нащихъ, а буде сей незнакомой не тотъ, кого ты чаешъ, то не будетъ намъ укоризны, что мы предъуготовили сердце ея въ пользу такому человѣку, которой не можетъ быть ее супругомъ. Сей разговоръ гораздо разуменъ былъ къ соглашенію Алмануса, великая любовь его ко Астрологіи не препятствовала ему никогда послѣдовать разуму, и сообразуясь разумному Креонину представленію, обѣщалъ ей быть воздержнымъ, но тщетны предосторожности наши, говорилъ притомъ, сіи два сердца со-

единены уже крѣпчайшими оковами, которыя одна смерть проломить можетъ. Симъ и подобнымъ образомъ разговаривали они почти до самаго свѣту, а Зелонида имѣя мысли свои гораздо далеки отъ таковыхъ суевѣрій не спрашивалась ни съ какою другою планетою кромѣ своего сердца, препроводила всю ночь въ чрезвычайномъ безпокойствіи о движеніяхъ почувствованныхъ въ себѣ призракѣ чужестранца, не имѣя нужды въ Алманусовой наукѣ къ познанію того причины, употребляла всѣ силы свои къ разрушенію оныхъ; но ударъ уже былъ совершенъ. Самосъ вкоренясь въ сердцѣ ее гораздо сильнѣе гордости высокаго рода, побѣдилъ весь ея разумъ, и любовь преодолѣвъ всѣ ея намѣренія, склонила ее желать, чтобъ либо сей чужестранецъ былъ достойнаго ея рода, или чтобъ она была только простая настушка. Наступившій день ни мало не возвратилъ спокойства въ сердца сихъ двухъ любителей, часъ свиданія ихъ умножилъ только ихъ смущеніе. Зелонида показалась Самосовымъ глазамъ гораздо пригожее прежняго, а онъ, казалось, представилъ глазамъ ея новыя пріятности, и когда

ѳда съ одну сторону почтенїе а съ другую стыдъ препятствовали имъ откровенно сказать, что они не находятъ прїятнѣе другъ друга, то взглядамъ ихъ ничто не препятствовало, не смотря на взаимное ихъ присужденїе другъ друга увѣдомлять о горячности своей любви. Самосъ сталъ отъ того смѣлѣе, а Зелонида нестоль боязлива, говорили другъ съ другомъ, и въ разговорахъ о самыхъ простыхъ вещахъ, показали столько разума, что тѣмъ совершенно другъ друга плѣнили. Алманусъ желая Самосу препроводить время до отъѣзду его съ нѣкоторою прїятностїю, звалъ его осмотрѣть положенїе его пустыни, и взялъ Креону и Зелониду съ собою. Самосъ почитая всѣ мѣста равны, гдѣ удовольствїе имѣть можетъ видѣть свою прекрасную пастушку, согласился на то съ радостїю, и для предъосторожности разсуждая, что всегда готову надлежитъ быть ко оборонѣ въ такомъ мѣстѣ, которое окружено непрїятелями, взялъ съ собою свое оружїе. Хотя пастухъ и увѣрялъ его, что его убѣжище не извѣстно непрїятелямъ, и такъ всѣ четверо вмѣстѣ обошли почти всю ту деревню, которая положенїемъ своимъ вездѣ

представляла имъ новые прiятности, густые лѣса, прекрасные долины, луга испещренныя цвѣтами и съ горъ шумящiя источники, гроты и прочiе художества натуры, такъ украшали сiе мѣсто, что Самосъ много разъ щастливымъ называлъ Алмануса, которой получивъ въ младости своей всякую честь вожделенную человѣкомъ его рода, и показавъ довольные услуги отечеству своему, и Государю, можетъ безъ стыда вкушать сладость покоя въ такомъ прiятномъ убѣжищѣ.

Я признаваюсь, отвѣчалъ старикъ, что ежели бы я только разсуждалъ о себѣ, то щастливою бы почиталъ здѣшнюю мою жизнь; но польза гораздо нужнѣйшая, мой любезный чужестранецъ, оставила въ сердцѣ моемъ корень честолюбiя, которой старостiю моею только возрастаетъ. Чемъ болѣе я приближаюсь къ концу, тѣмъ болѣе желаю видѣть окончанiе злоключенiй моего отечества, и возстановленiе того, что мнѣ всего миляе.

Столь великодушныя чувствiя, говорила Зелонида, смотря на него съ прiятною кротостiю, найдутъ себѣ благодарные сердца, и ежели вы

всю честь желаете только для той, о которой говорите, то она увѣрить васъ можетъ, что предпочла бы пастушей жезлъ оной, ежели бы лишенїе ваше отняло удовольствїе ей раздѣлить оную съ вами. Какая честь, говорилъ при семъ плѣненной Самосъ, уподобиться можетъ прїятности, слыша такїе слова отъ прекраснѣйшихъ устъ на свѣтѣ. Ахъ! удивленїя достойная Зелонида, продолжалъ онъ, восхищенъ своею страстїю, сколь почитательнымъ чинишъ ты сей жезлъ, и сколь щастливъ бы я былъ носить оной съ тобою!

Не желай такой судьбы, отвѣчала она закраснѣвшись, и помни что гораздо прїятнѣе есть вѣнцомъ почтить то, что мило, нежели продолжать дни въ печальной пустынѣ. Зелонида говоря сїе, показала въ глазахъ своихъ такую искренность съ величествомъ смѣшенную, которая Самоса привела въ изумленїе: но не постигнувъ тайны сихъ словъ, а однакожъ чувствуя, что они нѣчто скрытное въ себѣ имѣютъ, хотѣлъ стараться оные изъяснить, но сей разговоръ пресѣкло ржанїе нѣскольких лошадей, и стремительной бѣгъ одной, которая

стремясь съ холма, бѣжала прямо на нихъ, Самосъ увидя что она безъ всадника, и боясь, чтобъ она не приближилась къ Зелонидѣ бросился ей навстрѣчу, и рукою сильною и храброю схватилъ ее за поводъ, остановилъ посредивсегоея бѣгу; но едва только успѣлъ ее осмотрѣть, то услышали вопль многихъ голосовъ, и увидѣли на вершинѣ холма людей на лошадяхъ біющихся съ безпримѣрною яростію. Сей зракъ весьма чувствителенъ былъ храброму Самосу, которой не могъ пропустить взять во ономъ участіе, и сѣдши тотъ часъ на прибѣжавшую къ нему лошадь, поскакалъ, забывъ все, на мѣсто сраженія.

будучи довольно извѣстенъ ооружіи и образѣ сраженія Германцовъ и Гуновъ, узналъ тотъ часъ, что партія сихъ варваровъ конечно нечаянно напала на нѣсколькихъ ковалеристовъ боюсова войска, и что они неравны будучичисломъ съ нападающими безъ сомнѣнія лишились бы жизни, или свободы. Предводитель повидимому Германцовъ оборонялся съ храбростію достойною изумленія, многія умирающія варвары чувствовали уже силу его руки, подкомандующіе его помо-

галли

тали ему всѣми силами; но не смотря на мужество ихъ уже почти окружены были. Тогда Самосъ какъ молнія устремясь на непріятелей, давалъ имъ смерть и ужасъ, и всѣхъ обратилъ противъ себя, подавъ тѣмъ время противной ихъ партіи ободриться, и съ сугубою силою ему помогать.

Храбрость сего молодаго воина столь отмѣнна была чудными его дѣлами, что варвары почли его изъ ада вышедшею фуріею, а соперники ихъ съ Небесъ посланнымъ избавителемъ. Сіи различные мысли возбудили бодрость въ Германцахъ, а въ Гунахъ всѣяли страхъ и ужасъ, которое скоро показалось ихъ побѣжденіемъ, ни одинъ изъ нихъ не избѣжалъ Самосовой ярости, которой повергая всѣхъ встрѣчающихся ему сильными ударами побилъ болѣе сорока сихъ варваровъ, наконецъ не имѣя больше непріятелей престалъ побѣждать, и оставя окружающихъ его мертвыхъ и умирающихъ, обратился къ тому мѣсту, которой казался быть главнымъ, но увидѣлъ одного идущаго къ себѣ навстрѣчу. Сей Коринфянинъ снявъ съ себя шелмъ и съ почитаніемъ

читаніемЪ подошедЪ кЪ нему говорилЪ: Молодой герой, какое воздаяніе довольно можетЪ наградить показанную отЪ тебя намЪ услугу, и какимЪ щастливымЪ случаемЪ послало кЪ намЪ Небо такую чудную помощь. Говоря такимЪ образомЪ, разсматривалЪ прилѣжно Самоса, и оказалЪ вЪ глазахЪ своихЪ удивленіе сЪ изумленіемЪ смѣшенное, но ежели пріятности сего молодаго героя плѣнили сердце его сЪ перьваго взгляда, то взаимно и его зракЪ не меньше произвелЪ дѣйствія вЪ Самосѣ, его благородной и величественной видЪ, почтительная старость, кротость соединенная сЪ его словами, и храбрость, сЪ которою онЪ его увидѣлЪ біющася, вложили вЪ него такое почтеніе, что онЪ тогожЪ часа намѣрясь никогда отЪ него не отставать, отвѣчалЪ сЪ почтительною смѣлостію: Моя должность требовала, государь, подкрѣплять справедливую сторону, успѣхЪ моего намѣренія довольно меня награждаетЪ; но ежели вы чаеше обязаны быть мнѣ нѣкоторымЪ воздаяніемЪ, то позвольте мнѣ честь имѣть биться всегда подЪ вашимЪ предводительствомЪ, и научиться

учиться отъ васъ искуству, котораго вы теперь видѣли, во мнѣ слабой опытъ, я странственникъ, желающъ славы и чести, намѣренъ былъ иттить въ боюсовъ лагерь, и просить его дать мнѣ къ заслуженїю случай оныхъ, и буде вы меня не недостойнымъ находите быть ему представлену, то униженно прошу тѣмъ меня наградить. Ежели бы боюсово войско, отвѣчалъ Коринфянинъ, смотря на него пристально, составлено было изъ такихъ странственниковъ, каковъ ты, то давно бы уже принуждены были Гуны оставить, не токмо Коринфъ, но и всю Германїю. Я, храброй чужестранецъ, продолжалъ онъ, ево обявъ, я представляю тебѣ боюса, и дѣлаю тебя съ сего часа его товарищемъ. Ахъ! милостивой государь! вскричалъ Самосъ, познавъ чрезъ сїи слова, что то боюсъ самъ, отпустите мнѣ мое невѣденїе, онъ хотѣлъ продолжать, но боюсъ удержалъ его, говоря, мнѣ должно просить у тебя прощенїя, за что я теперь уступаю тебѣ всю команду; но хочу, храброй чужестранецъ, чтобъ сами Коринфяне свидетели

детели твоихъ чудныхъ дѣлъ поднесли тебѣ оную честь, и чтобъ они не подумали, что я не хотя болѣе ими повелѣвать, оставляю чинъ мой отъ боязни, или отъ лехкомыслія, пойдемъ теперь, пойдемъ принять въ лагерѣ должную тебѣ похвалу и честь.

Боюсъ не имѣлъ тогда при себѣ болѣе пяти человѣкъ оставшихъ отъ дватцати при немъ бывшихъ, и боясь еще нѣкоего нападенія, обратился было къ лагерю, но плѣненной Самосъ смотря на него съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, говорилъ: знатные пастухи, милостивой государь, которыхъ я для вспоможенія вамъ оставилъ, находятся безъ сомнѣнія въ великой боязни; позвольте возвратиться мнѣ ихъ ободрить и благодарить за показанныя мнѣ отъ нихъ учтивости. Алманусъ и Зелонида, ты знаешъ ихъ, говорилъ боюсъ. Самосъ увидя его удивленіе, разсказалъ откровенно ему свое приключеніе, не скрывъ ничего кромѣ любви своей къ Зелонидѣ, и ласкательныхъ Алманусовыхъ предсказаній. Потому надобно ихъ вывесть изъ боязни, говорилъ боюсъ. Я разсуждаю, о участіи ихъ

въ

вЪ тебѣ, потому, которое я самЪ вЪ тебѣ имѣю. По сихЪ словахЪ приказавЪ прочимЪ за собою слѣдовать, сЪѣхали сЪ холма и нашли Алмануса при собранiи всѣхЪ пастуховЪ вооруженныхЪ на помощЪ чужестранцу.

Изумленiе его было чрезвычайно, когда увидѣлЪ его вмѣстѣ сЪ ГенераломЪ, которой какЪ скоро его узрѣлЪ, сошелЪ сЪ лошади, и бѣжалЪ его обнять, Самосъ учинилЪ тожЪ. АлманусЪ желая вѣдать причину сраженiя, которая его столько встревожила, и какимЪ случаемЪ они сЪѣхались вмѣстѣ, получилЪ отЪ Боюса вЪ отвѣтЪ, что онЪ намѣрясь осмотрѣть самЪ нѣ которое мѣсто, которое непрiятели заняли, и которое подЪ слабымЪ охраненiемЪ было, выѣхалЪ сЪ дватцатью человѣками, не здѣлавЪ вЪ непрiятеляхЪ никакого движенiя, и не намѣренЪ будучи побудить ихЪ кЪ сраженiю, возвратился вЪ свой лагерь, но вдругЪ напала на него непрiятельская армiя, противЪ которой они довольно чувствительно оборонялись, но безЪ сомнѣнiя бы побѣждены отЪ нихЪ были, потерявЪ уже пятнатцать изЪ своей свиты, ежели бы не поспѣшилЪ имЪ нечаянно на помощь сей храброй чужестранецЪ,

жестранецЪ, причемЪ о дѢлахЪ его присовокупилЪ такую похвалу, которая ясно показывала вложенное вЪ него обЪ немЪ удивленiе.

АлманусЪ утвержденной сею похвалою вЪ томЪ мнѢнiи, которое о СамосѢ имѢлЪ, почувствовалЪ о томЪ такую радость, которую едва умѢрить могЪ, и поведши сихЪ двухЪ героевЪ вЪ свой шелашЪ для удѢленiя сей радости, испужавшимся пастушкамЪ, нашли ихЪ еще вЪ смертельной боязни. боюсЪ поздравилЪ Креону сЪ почтенiемЪ, а кЪ ЗелонидѢ подошелЪ сЪ такимЪ униженiемЪ, которое вЪ безпокойство привело плѢненнаго Самоса, чая вЪ почтенiи семЪ видѢть нѢчто свыше учтивости. Прекрасная пастушка приняла ихЪ обоихЪ смиреннымЪ величествомЪ, и радуясь, что чужестранцова храбрость случай ей подала засвидѢтельствовать ему, нѢкоторую часть своихЪ чувствiй исполнила сiе сЪ такимЪ разумомЪ и нѢжностiю, что бы онЪ причину имѢлЪ доволенЪ быть своею судьбою, ежели бы самолюбiе вЪ сердце его превзошло найсилнѢйшую страсть. Между тѢмЪ боюсЪ отошедЪ сЪ пастухомЪ особо разговаривали долгое время между

собою

собою, а Самосъ пользуясь симъ временемъ, и зная что разлучится съ Зелонидою, подошедъ къ ней и смотря на нее съ такимъ почтенiемъ, какъ и любовiю говорилъ: Ежели небо мнѣ,
„ сударыня, всегда такъ склонно бу-
„ детъ противъ непрiятелей вашего
„ отечества, каково мнѣ было съ
„ прiѣзда моего въ Коринѳъ, то смѣю
„ себя ласкать, что вы скоро новое
„ почтенiе получите въ Клагенфуртѣ;
„ коль счастливъ бы я былъ, ежели бы
„ кровь моя, которую я пролить за
„ васъ желаю, склонила васъ принять
„ оное съ милостiю! Къ чему ты
„ теперь намѣряяся, отвѣчала Зело-
„ нида, подаешь такую надежду мнѣ
„ о будущемъ, какой я еще никогда
„ не имѣла, и ты безъ обиды мнѣ
„ не можешь сомнѣваться о моей бла-
„ годарности? Ахъ! прекрасная Зело-
„ нида, отвѣчалъ Самосъ; я не благо-
„ дарности отъ васъ требовать буду,
„ ежели рука моя вамъ полезна быть
„ можетъ; моя горлость склоняетъ
„ меня гораздо большаго награжденiя
„ желать нежели то, которымъ вы
„ меня почтить чаете, дерзновенныя
„ мои желанiи! Поѣзжай, храброй чу-
„ жестранецъ, пресѣкла она рѣчь его

 закра-

„ закраснѢвшись, когда мы больше
„ познаемъ другъ друга, тогда ты
„ мнѣ обьявишь, чемъ награждены
„ быть могутъ твои заслуги, а я
„ тебѣ докажу, что никакого воз-
„ даянія нѣтъ, котораго бы добродѣ-
„ тель и заслуги надѣяться не могли
„ отъ Зелониды. По сихъ словахъ
оставя его принудила обратиться къ
Боюсу, которой тѣмъ временемъ окон-
чалъ свой тайной разговоръ съ Алману-
сомъ. Боюсъ обьявилъ Самосу, что на-
длежитъ возвратиться въ лагерь пре-
жде окончанія дня, для того простились они съ сими знатными жителями
пустыни, и молодые любители со
всею скромностію своею не могли себя
столько преодолѣть, чтобъ не показать,
сколько чувствительно сіе разлуче-
ніе ихъ сердцамъ. Самосъ сѣлъ на
свою лошадь, на которой прежде при-
ѣхалъ въ сію пустыню, она своею бод-
ростію и послушаніемъ показала все
достоинство и храбрость своего всад-
ника. Алманусъ и Коринѳской гене-
ралъ смотрѣли на него съ удивленіемъ,
а прекрасная Зелонида во внутренности
своего сердца предпочитала его всѣмъ
живущимъ на землѣ. Сіи два героя
отдавъ послѣднее благодареніе своимъ
прі-

пріятелямъ пряняли путь свой къ лагерю такими дорогами, которыя ихъ безопасными чинили отъ всѣхъ нападеній.

Слухъ побѣды ихъ распространялся уже во всемъ лагерѣ, и для того былъ въѣздъ ихъ съ восклицаніемъ всего войска. Солдаты съ природы любящіе пригожей видъ своихъ начальниковъ, подавали различныя свидѣтельства радости увидя Самоса; а какъ боюсъ имъ объявилъ, что за сіе побѣжденіе Гунновъ обязаны они только его храбрости, то не надобно было ничего болѣе къ приведенію ево въ совершенную ихъ любовь. Сей молодой воинъ отвѣтствовалъ имъ на то съ толикимъ благородствомъ и съ толикою кротостію, что плѣнилъ къ себѣ всѣхъ сердца. боюсъ опредѣлилъ ево съ самаго того дня въ управленіе обѣщаннаго ему преславнаго чина, но онъ не хотѣлъ того прежде принять, пока не увѣдомился въ полномъ собраніи начальниковъ о обстоятельствахъ дѣлъ, о имѣвшихъ поступкахъ и о предпріятыхъ намѣреніяхъ, дабы чрезъ то поступать осторожно. Иностранецъ будучи не зналъ положенія земли, для того спросилъ генералной планъ Коринфа

 и особливой

и особливой столичнаго города, на которыхъ показалъ Коринѳянамъ учиненныя ихъ погрѣшности, преимущества, которыя они упустили употребить себѣ въ пользу, и какимъ образомъ оное исправить надлежитъ. Сїе все чинилъ онъ съ такимъ знанїемъ военнаго искуства, что въ изумленїе привелъ наискуснѣйшихъ Коринѳянъ, которые согласно его просили, чтобъ взялъ все войско на свое соизволенїе, и что они всѣ будутъ послушны его повелѣнїю; но Самосъ отнюдь не хотѣлъ принять начальства, и доволенъ былъ чиномъ боюсова намѣстника, а сей разумной мужъ начиная ужѐ вѣрить, что Алманусъ не обманывается, и что Самосъ конечно назначенъ къ великимъ дѣламъ, видя его въ такїя молодыя лѣта одаренна всѣми добротами, которыя ни чемъ кромѣ долгаго ученїя и искуства получить не можно, удержалъ титулъ начальника только для его удовольствїя, и употреблялъ оной только для его утѣшенїя и дабы лутче показать другимъ то почтенїе, которое къ нему имѣетъ; сїе почтенїе умножилось въ немъ еще болѣе, когда Самосъ открылъ ему о своемъ родѣ и о маломъ счастїи своемъ, но

оное

оное велико было брагородностїю его мыслей, которыя боюсъ предпочиталъ знатному роду и достоинству. Сей разумной старикъ зная, что не всѣ будутъ равнаго съ нимъ мнѣнія, неоткрылъ ни кому сеи тайности, и принудилъ его скрывать оную отъ всѣхъ, кто бы ни пожотѣлъ о томъ знать. Онъ почитая добродѣтель превосходнѣе всѣхъ титуловъ обходился съ нимъ не токмо какъ съ своимъ сверстникомъ, но еще при многихъ случаяхъ показывалъ ему почтенїе должное природному принцу.

Самосъ наполненъ благодаренїя не превозносился своимъ счастїемъ и принимая безъ гордости и безъ высокоумїя всѣ показуемыя ему отъ боюса публичныя чести, благодарилъ ево за то особливо безъ принужденїя и безъ униженїя. На конецъ извѣстившись довольно о всемъ, что знать было ему потребно для исправленїя достойно своего чина намѣрился осадить Гунновъ и принудить ихъ къ баталїи. Для сего здѣлавъ потребное расположенїе представилъ оное военному совѣту, предъявилъ всѣ ползы онаго и уронъ, которой Коринѳяне себѣ дѣлаютъ. „Когда только стараться непрїятеля тревожить, то всѣ

„ сїи малыя сраженїи, говорилЪ онЪ, „ сколь ниславны вамЪ кажутся, однакожЪ весьма малой уронЪ дѢлаютЪ „ непрїятелю, и уменьшаютЪ ваше войско, а Гунны тѢмЪ не ослабѢваютЪ, „ ниже вы чрезЪ то усиливаетесь. бывают такїе случаи, при которыхЪ „ надлежитЪ отваживаться: вы никогда не возвратите Клагенфурта столичнаго вашего города, вашего любезнаго мѢста, ежели только стараться „ станете содержать оной вЪ осадѢ, но „ еще симЪ образомЪ погубите прїятелей равно какЪ и непрїятелей. оставте безполезное предпрїятїе; мы скоро „ завладѢемЪ городомЪ, ежели побѢдимЪ. Аттилла сей варварЪ идетЪ сЪ „ своимЪ войскомЪ ко взятїю города „ Корнїола, остановите походЪ его, „ нападемЪ на его войско, и избавя Корнїольцовъ отЪ сего страшнаго „ непрїятеля, избавимЪ притомЪ и себя „ самихЪ. Сеи народЪ будучи внѢ „ страха придетЪ соединиться сЪ нами, „ и почитая насЪ своими избавителями поможетЪ намЪ выгнать его „ изЪ всей Германїи или и разбить.

Храброй СамосЪ говоря такимЪ образомЪ показывалЪ такое надѢянїе, что вложилЪ оное во все собранїе. Военный

ный огнь горящїй въ глазахъ его и оживляющїя его слова вливалися въ сердца немѣлыхъ; прїятность красноръчїя его соединена была съ мужественною красотою, съ кроткимъ величествомъ, съ благородными поступками, съ удивительною статностїю его тѣла и со всѣми прїятностями юности. Того ради почитали его при семъ случаѣ превыше простаго человѣка, и хотя исполненїе его предпрїятїя было не безъ страха, однакожъ все единогласно оное похвалили. Боюсъ видя всѣхъ умы къ нему преклонные, и что сїе всеобщее согласїе не столько происходитъ отъ единомыслїя добровольнаго, сколько отъ того мнѣнїя, которое всѣ имѣть о немъ начали, утвердилъ оное еще обнадеживая, что онъ конечно чаетъ сему молодому воину просвѣщену быть нѣкоторымъ божественнымъ вдохновенїемъ и сколь чудесно послало его Небо ему на помощь, столь непремѣнно надѣяться надлежитъ, что онъ Коринѳянъ извести изъ неволи назначенъ.

Сїи слова совершенно обратили къ нему все собранїе и опредѣлили, чтобъ войско на другой день безъ всякаго шу-

му выступило изъ лагеря, и шло бы прямо къ Лаубаху столицѣ Корніольской, и чтобъ стало въ лагерь подъ стѣнами сего города для отвращенія непріятеля отъ осады онаго, и когда увѣдано будетъ о ихъ походѣ, тогда Корніольцамъ и Коринѳянамъ выступить изъ своихъ лагерей и итти противъ варваровъ и напасть на нихъ не давая имъ ни малаго времени къ отдохновенію. По такомъ учрежденіи отдалъ боюсъ начальство надъ войскомъ Самосу, которой тотчасъ приказъ отдалъ о выступленіи изъ лагеря. Сія вѣдомость обрадовала все войско, которое уже скучать зачинало дѣйствовать оборонительною и ободренною надеждою, чтобъ итти на непріятеля съ такою поспѣшностію было послушно, которое ясно показывало желаніе его къ бою. Между тѣмъ Самосъ былъ не весьма спокоенъ, желалъ бы увѣдомить о походѣ своемъ Зелониду и знать о ея состояніи, но хотя полную власть имѣлъ въ войскѣ, которую получилъ отъ великодушія боюсова, однакожъ не смѣлъ безъ его воли послать къ Альманусу; съ другую сторону ревность его увѣрила, что боюсъ любитъ Зелониду, и

что

что только для сохраненія ее себѣ отдалилъ ее въ сіе пустынное мѣсто, потому не могъ ввѣриться въ семъ случаѣ такому человѣку, котораго чаялъ быть своимъ соперникомъ.

Въ сей смутности онъ находился, какъ Боюссъ вошелъ въ его наметъ, и держа въ рукѣ письмо подошелъ къ нему съ нѣкоторою печалію и говорилъ: Я „ чаялъ тебѣ угодность здѣлать „ увѣдомленіемъ почтеннаго Алмануса „ о нашемъ предпріятіи; я довольно „ видѣлъ, сколько участія онъ во всемъ „ томъ имѣетъ; что принадлежитъ „ до тебя, и сколько напротивъ того „ ты его почитаешь, потому не могъ „ скрыть отъ него твоего намѣренія; я „ увѣдомилъ его о всемъ, что мы хо- „ тимъ дѣлать, а при томъ и о томъ „ удивленіи, которымъ ты испол- „ нилъ наши сердца, и получилъ на „ то отъ него отвѣтъ, при томъ раз- вернувъ письмо читалъ слѣдующее: „ „ Сколь ни печально намъ, Государь, „ ваше отсудствіе, однакожъ надеж- „ ны, что храброй чужестранецъ при- „ ведетъ къ намъ васъ побѣдителемъ „ общихъ нашихъ непріятелей, и сія „ сладкая надежда удерживаетъ на- „ ши слезы: одна только Зелонида не

„ пріемлетъ той надежды, которая „ меня ласкаетъ: она проситъ васъ „ беречь несчастливой остатокъ Корин„ ѳянъ, не предавать опасности жизнь „ вашу, она совершенно увѣрена о „ вашей вѣрности, которую вы все„ гда къ ея пользѣ показывали, но не хо„ четъ, чтобъ оная еще утверждена „ была вашею кровію. Храброй чуже„ странецъ много участія имѣетъ „ въ ея боязни; она вамъ его препору„ чаетъ, а я, государь мой, будучи боль„ ше ея извѣстенъ о его судбѣ и о „ нашей, увѣщеваю васъ обоихъ по„ слѣдовать вашему предпріятію: не „ бойтесь о насъ ничего, мы столько „ удалимся до вашего возвращенія „ что ни одинъ смертной не сыщетъ „ нашего жилища.

Я признаюсь, храброй Самосъ, говорилъ боюсъ, что весьма сожалѣю оставить Зелониду въ ея пустынѣ, однакожъ предосторожность наша требуетъ, чтобъ она не премѣняла до времяни сего жилища. Я надѣюсь, что ты познаешь ее нѣкогда совершеннѣе и примѣтишь какую нибудь важную причину; я долженъ скрывать ее отъ всего свѣта, и не могу еще открыть тебѣ сей тайности, только увѣряю, что она мнѣ

гораздо

гораздо миляе жизни, и одна она есть только главное намѣренїе всѣхъ моихъ дѣйствїй. Легко познать можно, какимъ ударомъ поражено было Самосово сердце при сихъ словахъ! Онъ не сомнѣвался больше о боюсовой любви, ниже о томъ, чтобъ Зелонида не была чувствителна противъ сей страсти. Старость сего начальника сколь ни несходственна была съ лѣтами сей прекрасной дѣвицы, не могла увѣрить его о неправости его мыслей. Онъ познал въ Зелонидѣ нѣкоторое славолюбїе, которое его удостовѣряло, что прїятность младости не столь прелестна ей какъ тѣ лавры, которыми боюсъ былъ покрытъ; пораженъ отъ отчаянїя, и видя совершеннаго себѣ соперника въ такомъ человѣкѣ, которому обязанъ былъ великимъ благодаренїемъ, отвѣчалъ ему съ довольною холодностїю, что онъ съ радостїю участїе беретъ въ Зелонидиномъ благополучїи, когда знаетъ, что она ему столь мила, и не пожалѣетъ ни крови своей ни жизни, дабы она удовольствїе имѣла видѣть его свободна отъ всѣхъ страховъ.

Сїи послѣднїя слова выговорилъ онъ такимъ голосомъ, которой боюсу

нѣко-

нѣкоторое подозрѣніе подалъ о его мысляхъ, но не разсуждая запотребно выводить его изъ сего заблужденія въ такое время, когда о важнѣйшихъ дѣлахъ помышлять надлежитъ, не отвѣчалъ на то ничего, но только бладарилъ его пріятно за его усердіе, и премѣнивши разговоръ зачалъ говорить о выступленіи войска и о мѣрахъ, которыя принять надлежитъ для увѣдомленія Корніольцовъ о пріуготованномъ имъ вспоможеніи. Самосъ намѣрясь истребить любовь свою, и свое имя въ семъ походѣ крайнѣ старался сдѣлать чрезъ то славнымъ своей памяти, и въ туже ночь Коринѳянѣ выступя изъ своего лагеря пошли прямо къ Лаубаху столицѣ Корніольской. Я не буду описывать ихъ похода, ниже неусыпные труды Самосовы, которой при семъ случаѣ получилъ совершенную любовь отъ солдатъ и всеобщее почтеніе отъ всего войска; онъ управлялъ оное такимъ образомъ, что всѣ труды и тягости, которые имъ во время похода претерпѣть надлежало, болѣе поощряли ихъ къ окончанію оныхъ чрезъ погубленіе своихъ непріятелей.

Самосъ употребилъ такія предосторожности, что Корніольцы о походѣ ихъ увѣдомлены были прежде нежели Гунны о томъ нѣкоторое извѣстіе получить могли; и сіе облегчило имъ средства соединить часть силы своей съ Коринѳянами, такъ что войско будучи при выходѣ изъ Коринѳа только въ пятнатцати тысячахъ человѣкъ умножилось до сорока не доходя еще до Лаубаха, какъ чрезъ Корніольцовъ, такъ и народомъ бѣгущимъ отъ единаго имени Аттилова, и предающимся великимъ числомъ подо Коринѳскія знамена. Самосъ поставилъ лагерь свой подъ городскими стѣнами, дабы не допустить непріятелей до осады и въ случаѣ нужды имѣть себѣ надежное убѣжище. Между тѣмъ Гунны продолжая побѣду свою вступили ужѐ въ Корніольскую область и всѣ мѣста на пути лежащія наполнили кровію и огнемъ. Ихъ войско столь многочисленнѣе было Коринѳскаго, что они свѣдавъ о приходѣ ихъ на помощь Корніольцамъ ругались всѣмъ, и говорили гордо, что сіи два народа для того только соединились, чтобъ избавить ихъ отъ труда каждаго побѣждать порознь, и что ихъ мечи вдругъ порубятъ

бятЪ Коринѳянъ и Корніольцовъ. Сіи слова вѣрно Самосу донесенныя чрезъ его лазутчиковъ, ни мало его не устрашили, но еще умножили его горячесть: онъ свѣдавъ чрезъ свои отводные караулы, что Гунны идутъ въ довольномъ безпорядкѣ, и во всѣ стороны ѣздятъ для добычи и грабежа, велѣлъ выступить войску своему изъ лагеря, построилъ ихъ въ ордеръ баталіи, обязалъ ихъ краткою присягою побѣдить или умереть, и пошелъ на встрѣчу непріятелямъ, которые чая ихъ заключенныхъ въ ихъ лагерѣ и трепещущихъ отъ страха приближенія ихъ, изумились чрезвычайно увидя, что они съ такимъ надѣяніемъ сами ихъ ищутъ. Сіе безстрашіе уменшило нѣсколко ихъ гордости, и всѣяло въ нихъ нѣкоторое смущеніе, однакожъ привыкши побѣждать приготовились къ сраженію, и хотя часть войска разсѣяна была для разоренія и опустошенія въ окрестныхъ деревняхъ и замкахъ, однако еще столь уничтожали Коринѳянъ, что не сомнѣвались ихъ побѣдить.

Но Самосъ не страшась ихъ множества распредѣлилъ свое войско и разослалъ потребные приказы, а потомъ

томъ началъ баталію правымъ своимъ крыломъ противъ непріятельскаго лѣваго, поруча команду надъ онымъ храброму начальнику Коринѳскому. Лѣвое было подъ предводительствомъ нѣкоего Алманусова свойственника. боюсь былъ въ срединѣ, а самъ сей молодой герой оставилъ для себя нѣкоторую часть войска, дабы помогать вездѣ, гдѣ помощь его будетъ потребна, и можно сказать, что онъ вдругъ бился во всѣхъ мѣстахъ, и что онъ одинъ стоилъ Коринѳянамъ противъ цѣлой арміи. Сраженіе было съ обѣ стороны ужасно, но Самосъ безпрестанно солдатамъ своимъ напоминая, что надлежитъ побѣдить или умереть, и провождая слова свои многими пречудными дѣлами разсѣялъ такой ужасъ въ непріятеляхъ, и столько мужества влагалъ въ Коринѳянъ, что варвары не могли противъ ихъ стоять. Удивленіе о храбрости сего молодаго воина, которой всегда былъ готовъ пресѣчь путь имъ къ малому выигрышу, и которой какъ вихрь непрестанно обращался то на право, то на лѣво разбивая полки ихъ, пробиваясь на сквозь и дѣлая себѣ вездѣ чрезъ смерть непріятелей свободной путь. Удивленіе

нїе о такой храбрости наполнило ихъ такимъ великимъ страхомъ, что сраженїе весьма скоро обратили Коринөяне въ преужасное посѣченїе. Храброй Самосъ отъ любви и ревности желая конца своей жизни, но хотя оставить по себѣ преславную память, и привесть въ сожалѣнїе о себѣ свою любовницу дѣлалъ такїя дѣла, которыхъ описать не возможно, и коихъ славу страшилось бы помрачить перо мое, ежели бы ихъ изъяснить нам бралось. Гордой варваръ Аттилла повелѣвая самъ своимъ войскомъ пораженъ былъ ужасомъ и не сыскавъ кромѣ бѣгу надежды къ своему спасенїю обратился въ оной и побѣжалъ въ Коринөскїя горы, гдѣ чаялъ сыскать себѣ убѣжище; но храброй Самосъ продолжая свою побѣду напалъ на него въ тѣсныхъ путяхъ, которыми ему итти надлежало, разбилъ его войско и принудилъ на конецъ убѣжать только съ двадцатью человѣками въ отдаленныя отъ Германїи провинцїи и оставить побѣдителю Коринөъ и Корнїолъ.

Чудное пораженїе Аттиллова войска простирающагося почти до ста тысячь человѣкъ, которымъ онъ повелѣвалъ, самымъ малымъ числомъ

людей

людей, вселило такой страхъ въ Гунновъ начальствующихъ въ знатныхъ городахъ, что не сомнѣваясь о побѣдителевомъ на себя нападенiи, и зная посѣченiе своихъ товарищей спѣшили изъ оныхъ вытти и соединиться со своимъ Царемъ, которой для утѣшенiя своей досады, собралъ опять великое войско, и надѣялся онымъ въ Галлахъ исправить тотъ уронъ, которой претерпѣлъ въ Германiи. Между тѣмъ Самосъ не имѣя времени свѣдать о томъ, что учинилось въ Коринѳскихъ городахъ по отдохновенiи нѣсколькихъ дней повелъ войско свое ко Клагенфурту, чтобъ оной осадить; но сколь велико было его изумленiе, когда увидѣлъ жителей онаго вышедшихъ себѣ на встрѣчу и превозносящихъ имя его съ восклицанiемъ и радостнымъ воплемъ! Жены, старики и дѣти бросались, великими толпами, къ ногамъ его, называя его своимъ избавителемъ, охранителемъ ихъ отечества, и возобновителемъ ихъ прежней вольности. Сей молодой и любезной Герой принималъ сiи свидѣтельства происходящiя отъ усердiя ихъ и благосклонности съ великою кротостiю

и униженїемЪ, и приписывая честь своей победы начальникамЪ войска, а особливо боюсу, котораго не смотря на тайную свою ревность не могЪ не любить и не почитать, и которой подлинно отмѣненЪ былЪ при семЪ случаѣ своею храбростїю и разумомЪ.

Но зная мнѣнїе войска и будучи самЪ во удивленїи о Самосовыхъ дѣлахЪ, которыя самЪ видѣлЪ, давалЪ ему предЪ всѣми достойную справедливость, и прежде всѣхЪ сообщилЪ голосЪ свой сЪ голосомЪ всего народа и войска проницающимЪ воздухЪ восклицанїемЪ имени сего Героя. ВЪ городѣ приняли его сЪ неслыханною честїю. боюсЪ бывши губернаторомЪ во ономЪ при жизни покойнаго царя принялЪ опять свою власть и употребилЪ оную только на то, чтобЪ тѣмЪ славнѣе зделать побѣдоносной вЪѣздЪ его. Сей молодой воинЪ весьма чувствителенЪ будучи кЪ такой славѣ, сЪ радостїю принималЪ показуемую себѣ честь, однакожЪ любовь огорчила всѣ сладости оной, и сколько ни старался онЪ себѣ принужденїе дѣлать, однакожЪ ясно было видно, что онЪ имѣлЪ смертельную печаль. боюсЪ любя его какЪ своего

сына,

сына, и усмотря сію смутность, старался въ тѣ три дни, въ которые войско отдыхало, оную прогнать, но безполезно; ибо Самосъ не находилъ ни въ чемъ болѣе веселья, какъ только въ одномъ уединеніи, дабы тѣмъ свободнѣе предаться могъ жестокой страсти своей разрушающей его спокойство. Воображеніе его о томъ, что Боюсъ любитъ Зелониду и отъ нее взаимно любимъ, принудило намѣриться его скрыть любовь свою въ глубокомъ молчаніи, и притомъ наложилъ себѣ жестокой законъ, чтобъ не говорить съ нимъ больше ни о Зелонидѣ, ни о Алманусѣ, надѣясь чрезъ то привыкнуть къ ея забвенію, но не возмогши утушить своего пламени приведенъ былъ чрезъ сіе принужденіе, которое себѣ чинить вознамѣрился, чтобъ никогда не поминать имени своей любезной, въ весьма жалостное состояніе: боялся и желалъ ее видѣть, хотѣлъ бы, чтобъ Боюсъ привезъ ее въ Клагенфуртъ видѣть ево славу, но принуждалъ себя о томъ ему не говорить. На конецъ терзаемъ движеніями благодаренія и ревности не находилъ инаго средства къ избавленію своему отъ то-

ликихъ мученій, какъ удалиться еще и оставить Боюса. Свободной видъ употребленной отъ него на то, былъ честенъ и славы достоинъ. Гунны оставя столицу для того только, что безсилными себя быть почитали въ ней утвердиться, вселились въ Юленбургѣ и олькмаркѣ, и тамъ ожидали отъ Аттиллы помощи. Самосъ желая окончать свою побѣду, и сверьхъ того лаская себя еще сыскать смерть себѣ въ нѣдрахъ славы, объявилъ Коринѳянамъ, что онъ намѣренъ осадить оные два города и взять прежде окончанія способнаго на то времени. Войско чувствуя себя непобѣдимымъ подъ предводительствомъ такого начальника, показало о семъ намѣреніи такоежъ желаніе, какое имѣло о перьвомъ; и храброй Зелонидинъ любитель пользуяся симъ послушаніемъ выступилъ опять съ своимъ войскомъ отдѣля боюсу отъ онаго достаточную часть ко охраненію Клагенфурта, и не хотя допустить, чтоб онъ съ нимъ былъ при семъ предпріятіи, хотя онъ ему великую печаль показывалъ о его отъѣздѣ: „ помни, храброй Самосъ, „ говорилъ онъ ему, что Зелонида

„ мнѣ

„ мнѣ поручила попеченіе о твоей „ жизни, что ты готовиться долженъ по возвращеніи твоемъ видѣть ее въ семъ городѣ, и что „ оная справедливую причину имѣть „ будетъ къ моей укоризнѣ, ежели „ ты не сохранишь жизни столь нужной ея отечеству. Сіи нечаянныя слова принудили Самоса закраснѣться, и принужденъ будучи на оныя отвѣчать говорилъ: Я чаю, что такая жизнь, какова моя, весьма мало потребна для Зелонидина благополучія, и потому во оной никакого участія она имѣть не можетъ, но надѣюсь, что она мною больше обязана будетъ, когда я васъ здѣсь оставлю для ея принятія, нежели бы васъ благодарить долженствовала, ежели вы со мною поѣдете.

Я не знаю, отвѣчалъ Боюсъ нѣсколько изумившись, услыша такія слова, почему ты такъ худо разсуждаешь о Зелонидѣ; но надѣюсь, что по возвращеніи твоемъ Принцесса Коринѳская приневолитъ тебя имѣть о ней лучшія мнѣнія. Коринѳская Принцесса, вскричалъ Самосъ въ великомъ удивленіи! Не сказывалъ ли мнѣ Алманусъ, что ее уже нѣтъ на свѣтѣ?

Алманусъ, отвѣчалъ боюсъ съ небреженiемъ, обязанъ былъ жестокою клятвою такъ говорить; но сiя тайность не можетъ скрыта быть отъ побѣдителя Гунновъ, и Карменiя одолжена будучи твоею рукою не можетъ скрыть отъ тебя своей судбины: Сiя прекрасная Принцесса жива, и хотя твои заслуги произвели въ сердцѣ ея противъ тебя истинное почтенiе, однакожъ я увѣряю, что знакомство твое съ Зелонидою не мало умножаетъ тѣ знаки, которыми она тебѣ оное засвидѣтельствовать можетъ. „Карменiя, отвѣчалъ „Самосъ, необязана мнѣ ничемъ, я „почиталъ ее мертвою; всѣ мои дѣла „были не для ее, и потому довольно „награжденна себя почитаю тою „честiю, что ей заслужилъ, и не„сравненная Зелонида не долженствуетъ стараться о несчастли„вомъ, которой никакого намѣренiя „не имѣетъ, кромѣ славы и смерти. Съ сими словами простился съ нимъ не ожидая его отвѣта, и въ тотъ часъ сѣдши на лошадь выѣхалъ изъ города къ своей армiи, которая его только ожидала для выступленiя. боюсъ неясно познавъ мысли его, думалъ.

малЪ, что честолюбїе его смущаетЪ, и зная мнѣнїе КориноянЪ надѣялся, что прїуготованное ему отЪ нихЪ воздаянїе прогонитЪ сїю смутность, и что милости Принцессы Карменїи преодолѣютЪ скоро страхЪ его, которой приключаетЪ ему низкая его природа. ВЪ сихЪ мысляхЪ онЪ утѣшался о его отЪѣздѣ, которой готовилЪ ему еще новые лавры, и только помышлялЪ показать КориноянамЪ преславной остатокЪ Царской фамилїи, и склонить ихЪ зделать воздаянїе Самосу достойное его дѣлЪ.

ТѣмЪ временемЪ, какЪ онЪ о томЪ трудился, храброй СамосЪ пришедЪ предЪ городЪ ОлкмаркЪ оной осадилЪ. Корнїольцы, которые отЪ благодарности его не оставляли, присоединили кЪ нему еще знатное число войска, и тѣмЪ Самоса вЪ состоянїе привели зделать генеральной приступЪ. Я не буду описывать сего приступа и обороны. Гунны были храбры и безстрашны, а Кориноянe возбуждены мщенїемЪ, начальникЪ ихЪ наполненЪ мужества и разума, сего всеобщего мнѣнїя, довольно кажется кЪ изображенїю храбрости сЪ обоихЪ сторонЪ, однакожЪ

кожъ не смотря на крайнѣе сопротивленіе Варваровъ Самосъ взялъ городъ приступомъ по пятнатцати дневной осадѣ. Гунны бывшіе въ немъ побиты, а которые спаслись отъ побѣдоноснаго меча, тѣ заплатили жизнь свою побѣдою. Взятье сего важнаго мѣста возвратило Кориноянамъ и городъ Юленбургъ, изъ котораго Аттиловъ гарнизонъ по одному только слуху Самосовыхъ дѣлъ вышелъ, которой какъ скоро укрѣпилъ сіе первое мѣсто, тотчасъ пошелъ къ другому. Начальные жители при приходѣ его вынесли къ нему ключи городскіе, и увѣдомили его о томъ дѣйствіи, которое едино имя его въ непріятеляхъ учинило. Онъ оставилъ въ семъ городѣ довольной гарнизонъ, снялъ оковы со всѣхъ тѣхъ, коихъ варвары содержали въ неволѣ, возставилъ тѣхъ, которые прежде завладѣнія Гунновъ имѣли нѣкоторые чины; и имѣя во власти своей воинскую казну, наградилъ всѣхъ начальниковъ военныхъ до послѣдняго солдата. Не меньше и Корніольцы чувствовали его великодушіе и милость. Учинивъ тоже и въ Олкмаркѣ и выгнавъ въ три мѣсяца всѣхъ Варваровъ изъ Кориноя

и Корніола возвратился въ Клагенфуртъ покрытъ славою и честію получа во всѣхъ сраженіяхъ только двѣ легкія раны. Отправленные отъ него вѣстники привезли въ сію столицу за нѣсколько дней до его пріѣзда извѣстіе о его побѣдахъ и о возвращеніи, и чрезъ то боюсу дали время пріуготовлении здѣлать къ его встрѣчѣ. Онную учинилъ онъ съ такимъ великолѣпіемъ и славою, что Самосъ по кротости своей отъ стыда краснѣлъ. Народъ казался восхищенъ отъ радости его увидя и всеобщимъ гласомъ называли его своимъ Царемъ достойнымъ престола и ихъ Принцессы. Сіи слова повторяемыя со всѣхъ сторонъ и соединенныя съ почтеніемъ должнымъ величеству царскому привели Самоса въ великой ужасъ. Сія честь смущала его сердце; государствованіе не было никогда намѣреніемъ его честолюбія, а любовь его къ Зелонидѣ столь мало соглашалась съ тѣмъ, что ему дѣлать надлежало для полученія оной, что почиталъ сіе высокое достоинсто только искушеніемъ его добродѣтели; но всего народнаго восклицанія чувствителнѣе было ему видѣть боюса почитающа его такъ

какЪ уже своего Государя и ведуща его вЪ домЪ Коринѳскихъ Царей; гдѣ сей совершенной другЪ собралЪ всѣхЪ знатныхЪ, какЪ бы для учиненія ему присяги. СамосЪ не хотѣлЪ публично показать досады своей о семЪ нечаянномЪ принятіи, но намѣрился открыть оную Боюсу особо; принималЪ всѣхЪ господЪ сЪ такими знаками, которые довольно имЪ казали, сколь достоинЪ онЪ ихЪ вѣрности и службы: и какЪ сіе многочисленное собраніе разъѣхалось, дабы дать время ему для потребнаго покоя, тогда онЪ удержавЪ Боюса повелЪ его вЪ особую камеру, и заперщись сЪ нимЪ говорилЪ смотря на него прискорбно; „ Что это, государь, какія „ это чести, откуда происходятЪ „ сіи почтеніи, и какія то рѣчи, „ что я слышу? Любовь народная, „ отвѣчалЪ БоюсЪ, почтеніе знат„ныхЪ, удивленіе войска и всѣхЪ „ общая благодарность суть при„чины тому, о чемЪ вы кажетесь „ изумленны: но можетели вы ди„виться, Государь, что Коринѳяне „ изобравЪ васЪ своимЪ начальникомЪ „ по толикой храбрости вашей изби„раютЪ васЪ нынѣ своимЪ ЦаремЪ?

„ Начто

„ На что Самосъ сказалъ вздохнувши:
„ Ахъ, боюсь, мнѣ ли принадлежать
„ сїи слова? Или вы чаете, чтобъ я
„ ослѣпленъ былъ высокимъ достоин-
„ ствомъ, и тщеславно чаялъ себя
„ быть онаго достойнымъ? Какой
„ изъ моихъ поступковъ принуж-
„ даетъ васъ имѣть обо мнѣ толь
„ худое мнѣнїе? Гордость или тще-
„ славїе видны ли были когда нибудь
„ въ моихъ поступкахъ? Показывалъ
„ ли я вамъ когда, что забылъ мое
„ состоянїе? Ахъ! ежели бы я на-
„ мѣренъ былъ истребить оное изъ
„ моей памяти, открылъ ли бы тебѣ
„ оное; нѣтъ, боюсь, я помню все-
„ гда, что я странникъ безъ знати и
„ безъ имени; удачная отважность,
„ и нѣсколько смѣлости отнюдъ не
„ премѣнили моего рода, и не мо-
„ гутъ поколебать моей добродѣте-
„ ли; я могу возвышенъ быть въ сте-
„ пеняхъ гражданства, сердце мое
„ любитъ славу и не отметаетъ той,
„ которую получилъ моею рукою. Вы
„ почли меня достойнымъ началь-
„ ства; я старался исполнить ваше
„ мнѣнїе и доволенъ моею судьбою; но
„ да изберутъ себѣ Коринѳяне дру-
„ гаго Государя; престолъ требуетъ
„ знатной

„ знатной крови, и Принцесса ваша „ стыдясь такого избранія отвер- „ гнетъ презрѣніемъ свое возвышеніе: „ О небо! говорилъ притомъ съ нѣ- „ которымъ гнѣвомъ противъ себя „ Самосъ, тотъ, которой не смѣетъ „ и дочери требовать простаго ва- „ шего гражданина, можетъ ли пред- „ ставить себя супругомъ Принцессѣ „ Коринѳской? Не мѣдли, государь, „ продолжалъ Самосъ оборотясь къ „ боюсу, не мѣдли отвести меня „ къ Карменіи, и позволь предать „ голову мою справедливому гнѣву ея „ противъ дерзости ея подданныхъ. боюсъ такъ былъ плѣненъ удиви- тельною добродѣтелью сего молодаго героя, что не пресѣкъ бы рѣчи его, хо- тя бы онъ еще долѣе оную продол- жалъ; но видя, что онъ замолчалъ, „ говорилъ: Принцесса Карменія, го- „ сударь, познаетъ еще лутче под- „ данныхъ своихъ достоинство то- „ го, котораго они ей опредѣляютъ „ супругомъ; всеобщей гласъ есть „ возвѣщаніе чувствій ея сердца; ко- „ гда вы по кротости вашей безъ зави- „ сти взираете на сію высочайшую „ власть, то она по мудрости своей „ достоинства предпочитаетъ роду: „ слава

„ слава, храбрость и добродѣтель ваша
„ суть для нее знатнѣйшей титулъ,
„ и зная, что больше прославляется
„ престолъ отъ Царя, нежели Царь отъ
„ престола, не стыдится избранїемъ
„ своего народа: какъ законы наши
„ запрещаютъ женскому полу имѣть
„ корону, и потому она не можетъ
„ нами владѣть не давъ намъ госу-
„ даря; а мы желаемъ имѣть ее ца-
„ рицею, то будьте вы нашъ царь по
„ согласїю ея сердца и по избранїю
„ всѣхъ ея подданныхъ; но время
„ уже, государь, открыть вамъ, ка-
„ кимъ образомъ сїя Принцесса объ-
„ явила себя въ вашу пользу. Умер-
„ шїй нашъ Царь пронзенъ многими
„ ранами, и близъ смерти уже при-
„ велъ насъ всѣхъ къ присягѣ, чтобъ
„ Карменїю не отдавать ни за кого
„ кромѣ того, кто избавитъ землю
„ сїю отъ мучительства Гунновъ, и
„ поруча мнѣ сїю Принцессу прика-
„ залъ воспитать ее въ сихъ мы-
„ сляхъ.

Я послѣдовалъ его повелѣнїю, и
„ какъ скоро Карменїя просвѣщена
„ стала свѣтомъ разума, то приня-
„ ла намѣренїе повиноваться послѣд-
„ ней волѣ своего родителя, и при-
„ несть

„ несть въ жертву себя всеобщему „ благополучію. Надежда столь пре„ славнаго воздаянія побуждала насъ „ всѣхъ къ возвращенію нашей воли, „ и всѣ старались побѣдить непрія„ теля; но не смотря на всѣ силы „ наши Гунны близъ осми лѣтъ бу„ дучи побѣдоносными завладѣли на„ шими провинціями, городами и са„ мою столицею; на конецъ осталось „ намъ только либо совершенно быть „ погубленнымъ, либо покореннымъ „ варварству Аттилову, ежели бы „ храбрая рука ваша на помощь намъ „ не поспѣшила. Мудрой Алманусъ „ мнѣ о томъ предсказалъ: всѣ ваши „ труды тщетны, говорилъ онъ мнѣ, „ корона и Принцесса назначены вои„ ну незнакомому чужестранцу, без„ помощну, и не обитавшу между „ нами, для его только храбрости „ опредѣлена слава побѣды и прогнаніе „ Гунновъ. Признаюсь, государь, что „ я неимовѣренъ будучи Алманусову „ предсказанію, обязался скрывать „ Карменію отъ всѣхъ людей боясь, „ чтобъ какой дерзновенный не упо„ требилъ въ пользу свою его проро„ чества, или чтобъ суевѣрный Атти„ ла зная, что владѣніе ее зависитъ

„ отъ

„ отъ ея гибели, не сыскалъ бы сред-
„ ства отъ насъ ее похитить; я при-
„ нудилъ его обѣщаться съ клятвою
„ не открывать никому убѣжища
„ Принцессы, и того, что онъ пред-
„ видѣть частъ о ея судбинѣ, но
„ слова его были уже невозвратны.
„ Коринѳяне свѣдавъ, что чужестра-
„ нецъ ихъ избавитъ, стали уже съ
„ принужденіемъ исполнять мои при-
„ казы, и конечнобы меня оставили,
„ ежелибы я не показалъ имъ что Ал-
„ манусово предсказаніе ложно, скло-
„ нивъ его разсѣять слухъ о смерти
„ Принцессиной.

Сею невинною лестію я ободря
„ ихъ привелъ опять въ мое послу-
„ шаніе; такимъ образомъ не имѣя они
„ никакой надежды кромѣ меня, были
„ подвластны мнѣ до вашего прибы-
„ тія. Ваши дивныя достоинства, чуд-
„ ная храбрость и преславныя дѣла,
„ которыхъ они были свидѣтелями,
„ удостовѣряли ихъ, что вы опредѣ-
„ лены отъ всевышней власти къ
„ изведенію ихъ изъ неволи, они
„ требовали васъ себѣ начальникомъ;
„ а нынѣ, когда вы прогнали Варва-
„ ровъ, требуютъ васъ себѣ Царемъ.
„ Я не скрывалъ отъ васъ, что во

„ время

„ время отсудствія вашего старался
„ утвердить ихъ въ семъ намѣреніи,
„ возвратилъ Принцессу, и объявилъ
„ имъ то, что меня принудило раз-
„ гласить о ея смерти. Нечаянное лица
„ ея зрѣніе всѣ сердца ихъ радостію
„ наполнило и любовь ихъ къ вамъ
„ умножилась. Самосъ только, гово-
„ рили всѣ единогласно, достоинъ намъ
„ кажется Кармении, и всѣ просили
„ ее совокупно избрать васъ себѣ су-
„ пругомъ. Я радуясь видя сіе пред-
„ уготовленіе къ воздаянію вашихъ
„ добродѣтелей и заслугъ напомнилъ
„ Карменіи о послушаніи воли ея
„ родителя, и утвердилъ Алману-
„ сово предсказаніе: что могу я вамъ
„ больше сказать, государь? Все при-
„ готовлено уже къ вашему короно-
„ ванію, и я беру смѣлость васъ увѣ-
„ рить, что Принцесса безъ труда
„ исполняетъ повелѣніе своего ро-
„ дителя. Мое сердце, великодушный
„ боюсъ; отвѣчалъ Самосъ съ печа-
„ лію, сколь ни безчувственно про-
„ тивъ сего высокаго достоинства,
„ однако не можетъ не чувствовать
„ преславныхъ знаковъ твоей друж-
„ бы; знаю, что ежели взойду на пре-
„ столъ, тебѣ долженъ буду всею

Э „ честію

„ честїю, и что истинное средство
„ къ показанїю тебѣ за то моего благо-
„ дарения, есть принятїе короны; но
„ столь велика злость моего состо-
„ янїя, что я не могу супругомъ
„ быть Карменїи, не здѣлавъ вѣчно
„ себя несчастливымъ, и непреставши
„ быть тебѣ благодарнымъ: Я
„ вижу, что тебя сїи слова удив-
„ ляютъ, но уже не могу болѣе при-
„ творяться, и долженъ засвидѣ-
„ тельствовать тебѣ по крайнѣй мѣ-
„ рѣ чрезъ мою откровенность, что
„ я не во все недостоинъ твоей благо-
„ склонности: мое сердце не въ моей
„ уже власти, храброй Боюсъ, гово-
„ рилъ вздохнувши, Карменїя уже не
„ можетъ онаго требовать, я люб-
„ лю Зелониду и чрезъ то тебѣ со-
„ перникъ. Мнѣ соперникъ, вскри-
„ чалъ на сїе Боюсъ! Да, государь, го-
„ ворилъ Самосъ, ежели бы я имѣлъ
„ во власти моей корону, то возло-
„ жилъ бы оную на ея главу; по та-
„ ковомъ признанїи разсуди, могу
„ ли быть вашимъ Царемъ? Кто не
„ имѣетъ власти надъ собою, и не
„ можетъ побѣдить страсти ограж-
„ дающей славу его, и помрачающей
„ благодаренїя, тотъ не можетъ

 „ владѣть,

„ владѣть. Можетъ быть я увидя
„ себя самовластна захочу достоин-
„ ство мое раздѣлить съ Зелонидою,
„ можетъ быть Кармениія будетъ
„ жертвою моей любви, и можетъ быть
„ тебя здѣлаю несчастливѣйшимъ изъ
„ всѣхъ людей: Ахъ боюсь, оставь
„ меня въ моей подлости. Она подкрѣ-
„ пляетъ еще мою добродѣтель, она
„ прэпятствуетъ мнѣ тебя ненави-
„ дѣть, и противясь счастію моему
„ принуждаетъ меня познать, что я
„ онаго недостоинъ; когда я буду
„ только неизвѣстный Самосъ, то
„ не буду ни въ чемъ спорить бла-
„ городному бэюсу, стану на Зело-
„ ниду смотрѣть только съ такимъ
„ почтеніемъ, какимъ долженъ ей по-
„ слѣднѣйшей изъ Коринѳянъ; а на
„ противъ того престолъ лаская мо-
„ ему тщеславію не здѣлаетъ ли мнѣ
„ все позволеннымъ? И сія сильная
„ любовь, которую подлость моего ро-
„ да покоряетъ моему разуму, не по-
„ бѣдитъ ли тогда весь умъ мой, и не
„ принудитъ ли сдѣлать преступленіе
„ невозвратное? Сколько сожалѣть
„ вы тогда будете, что возвели меня
„ на сію степень чести и власти; и
„ кто можетъ дать мнѣ ту славу,
которой

„ которой я пришелъ искать издалека; нѣтъ, боюсъ, познайте ваше „ заблужденiе: не я тотъ, котораго „ провидѣнiе назначило вамъ Государемъ; ежелибъ оно опредѣляло меня быть царемъ, то даровало бы „ мнѣ и добродѣтели; я презрѣлъ „ бы любовь мою и страхъ за честолюбiе, и не любя ни чего кромѣ славы „ не размышлялъ бы карменiинымъ „ быть супругомъ, и лишиться Зелониды. Я признаюсь, государь, отвѣчалъ боюсъ, что я не ожидалъ „ сей рѣчи, но сколько она меня ни „ удивила, однакожъ не принудила „ перемѣнить моего мнѣнiя, вы непремѣнно кажетесь мнѣ превыше „ человѣчества, и въ самыхъ слабостяхъ вашихъ проницаю я добродѣтель, которую кротость ваша познать вамъ препятствуетъ.

„ Между тѣмъ будьте увѣрены, „ что вы мнѣ не соперникъ, и что „ никогда любовь не побѣждала сердца „ моего противъ Зелониды; она мнѣ „ мила, это правда, но я люблю ее „ какъ отецъ любитъ свою дочь, и „ причины весьма несходныя съ тѣми, „ которыя васъ смущаютъ, обязуютъ меня имѣть участiе въ ея

 „ состо-

„ состоянiи; вы скоро познаете оныя,
„ а между тѣмъ я васъ увѣряю, что
„ Алманусова дочь столь не раздѣль-
„ на съ Принцессою Карменiею, что
„ счастiе одной зависитъ отъ благо-
„ получiя другой, и что вы не уви-
„ дите никогда Зелониду, ежели отре-
„ четесь супругомъ быть Карменiи.
„ Но ахъ, не потеряю ли я чрезъ
„ то ее, говорилъ Самосъ, когда от-
„ дамся другой! Нѣтъ, отвѣчалъ
„ боюсъ; ея счастiе, ея достоинство,
„ однимъ словомъ все ея благополучiе
„ зависитъ отъ сего брака, и она
„ сама принудила меня васъ на то
„ склонять, ежели хотите, чтобъ
„ она была счастлива, и ежели лю-
„ бите ее, то надлежитъ принять ко-
„ рону, и руку дать Карменiи. Но не
„ могу ли ее видѣть, говорилъ Са-
„ мосъ, и самъ принять ея повелѣ-
„ нiе? Нѣтъ, государь, отвѣчалъ
„ боюсъ, она не можетъ вамъ пока-
„ заться до тѣхъ поръ, какъ вы
„ окоронуетесь; но я клянусь вамъ
„ всѣмъ, что есть свято, что вы
„ увидите ее столь любезну, и столь
„ благодарну, что признаете себя сча-
„ стливѣйшимъ человѣкомъ послѣдо-
„ вавъ ея волѣ.

Сія важная причина довольно сильна была склонить Самоса къ принятію престола. Тайность, которую онъ находилъ въ боюсовыхъ словахъ, принуждала его вѣрить, что его послушаніе изведетъ Зелониду изъ нѣкоторой великой опасности, и что Карменія ревнуя о ея красотѣ соединила можетъ быть жизнь ея съ согласіемъ его къ ея браку, потому не размышлялъ больше жертвовать любовію своею и покоемъ такой любезной жизни, и обѣщалъ боюсу дѣлать все по его волѣ; между тѣмъ непрестанно надѣясь сдѣлать нѣкую премѣну въ своемъ состояніи, когда увидитъ Карменію, просилъ, чтобъ онъ отвелъ его къ сей Принцессѣ; но боюсъ ему въ томъ отказалъ объявя ему, что благополучіе Государства требуетъ, чтобъ его бракъ и избраніе не казались заключены быть никакимъ тайнымъ согласіемъ, но единымъ соизволеніемъ всего народа, и чтобъ не подать нѣкоего подозрѣнія. будто Принцесса или онъ чрезъ какой вымыслъ то сдѣлали; того ради запрещено имъ видѣться прежде назначенной церемоніи, подъ какимъ бы то видомъ ни было. Сей законъ казался Самосу весьма жестокъ, однакожъ прину-

жденъ былъ оному повиноваться. боюсь видя его нѣсколько спокойна, и безспорна во всемъ для Зелонидина благополучїя, оставилъ его свободна разсуждать о бывшемъ разговорѣ и приуготовляться къ церемонїи имѣющей быть слѣдующаго дня.

Самосъ оставшись одинъ предался своей печали; то, что казалось быть его благополучїемъ, было для него весьма тому противно, и хотя удивлялся неизслѣдимымъ путямъ Провидѣнїя, которое дѣлало его для того только въ отечествѣ его презрѣннымъ, чтобъ возвести его на престолъ въ другой землѣ такими чудными путями. Однакожъ со всемъ тѣмъ находилъ себя достойнымъ сожалѣнїя; прежде воздыхалъ о томъ, что въ отечествѣ его для подлости его пренебрегали, а тогда ужѐ стенало сердце его отъ великаго почтенїя, которое Коринѳяне ему показывали; однакожъ испытуя себя безпристрастно позналъ, что бы престолъ ему былъ непротивенъ, ежели бы на оной взойти могъ вмѣстѣ съ Зелонидою, что одна толко Карменїя дѣлаетъ ему оной ненавидимымъ, и что строгая его добродѣтель можетъ ему сла-

вна

вна быть гораздо больше въ семъ высокомъ достоинствѣ, нежели въ посредственномъ состоянiи; но когда себѣ представлялъ, что принужденъ оставить Алманусову дочь, и на всю жизнь свою соединиться съ Карменiею, тогда исчезали въ глазахъ его всѣ сладости начальства, почиталъ корону несноснымъ бременемъ, и возвращался въ прежнюю свою печаль. Такимъ образомъ препроводилъ остатокъ дня и не смотря на многочисленное собранiе, которымъ чертоги его были наполнены, не могъ прогнать своей смутности.

Въ почтенiи, которое каждой ему показывать старался, удивляло его больше всего то, что онъ не слышалъ ни отъ кого ни Карменiина ни Зелонидина имяни; а не смѣя и самъ онаго упомянуть, былъ въ великомъ безпокойствѣ о семъ всеобщемъ молчанiи; но неболѣше дня принесло ему покоя и ночью: множество различныхъ мыслей предстали въ умѣ его; и желанiе, чтобъ познать по чему Зелонидина судьба зависитъ отъ его коронованiя, содержало во всю ночь его въ такой бодренности, что онъ не затворяя глазъ увидѣлъ опять возвра-

щенїе солнца. боюсЪ свѢдавЪ, что онЪ всталЪ, пришелЪ кЪ нему со всѢми знатными Коринѳянами.

Едва только трубы и кимвалы распространили гласЪ свой по всему городу, тогда посадили они его на лошадь, и окруживЪ его проводили при всенародномЪ восклицанїи на пространной лугЪ, гдѢ имѢла отправляема быть церемонїя его избранїя.

Войско вЪ порядкѢ состоящее окружало сїе мѢсто, дабы возбранить входЪ народу, котораго множество едва могло вмѢститься. Посреди луга поставленЪ былЪ мраморЪ окруженный со всѢхЪ сторонЪ двенатцатью ступенями изЪ тогожЪ мрамора равенЪ вЪ ширину и длину; на семЪ мраморѢ сидѢла Принцесса Карменїя одѢта серебреною парчею, и имѢла лице свое закрыто, по правую сторону оной стоялЪ одинЪ знатной КоринѳянинЪ вЪ должности Маршала, и держалЪ царской мечь, а другой по лѢвую вЪ образѢ Канцлера держалЪ корону и скипетрЪ, а позади ея было множество госпожЪ покрытыхЪ подобно ей и пребогато одѢтыхЪ.

Когда СамосЪ прїѢхалЪ кЪ сему лугу, тогда боюсЪ свелЪ его сЪ лошади и

совсѣмъ коринѳскимъ шляхетствомъ проводилъ при играніи военной музыки до помянутыхъ ступеней предъ самую Принцессу.

Маршалъ и Канцлеръ спрашивали нѣсколько разъ громкимъ голосомъ: кто сей, кого имъ представляютъ съ такою славою? боюсъ отвѣчалъ имъ именемъ шляхетства, что сей есть побѣдитель Гунновъ, защититель невинности, возобновитель законовъ и избавитель Коринѳа. Тогда шляхетство вскричало; да препояшутъ мечь по бедрѣ его, и да возложатъ на главу его корону, а войско и народъ къ тому присовокупилъ: да будетъ нашъ Царь, и да живетъ всегда счастливо. По сихъ словахъ повторяемыхъ нѣсколько разъ подъ гласомъ музыки, боюсъ взялъ Самоса за руку а Камергеръ его за другую и возвели его на десятую ступень, но столь блѣдна и столь печальна, что онъ подобнѣе казался идущему къ казни, нежели къ восприятію престола. Сей воинъ, котораго цѣлой народъ вооруженныхъ непріятелей ни мало не устрашилъ, лишился всего мужества своего, увидя ту, которая съ Зелонидою его на

вѣки разлучить долженствовала; великой трепетъ объялъ его члены, и смутность его была столь велика, что едва слышать могъ Карменіины слова, которая наложивъ руку на мечь и на корону ему говорила: „Прими, „храброй Самосъ, сіи преславные знаки „благодаренія и почтенія отъ Коринѳянъ; они обѣщаютъ тебѣ непреоборимую вѣрность, въ воздаяніе имъ „за то носи сей мечь для ихъ обороны, „а корону для повелѣнія ими„. Тогда маршалъ препоясалъ на него мечь, канцлеръ подалъ ему скипетръ, а Принцесса надѣла корону на главу его. Радостныя восклицаніи тѣмъ возобновились, и сего новаго Царя возвели проводники его на верьхъ камня, причемъ Принцесса сошла со онаго на другую сторону и обошедъ вокругъ онаго въ провожаніи всѣхъ госпожъ ведома маршаломъ, тогда боюсъ спрашивалъ громкимъ голосомъ: кто сія, которая представляется Царю съ такимъ величествомъ? Маршалъ отвѣчалъ, сія есть преславной останокъ Царской фамиліи, несравненная Карменія, коей разумъ подобенъ ея красотѣ. Все собраніе вскричало: да будетъ супруга нашему Царю, да

будетъ

будетъ самодержица наша: и вѣчная вѣрность да будетъ воздаяніемъ ея добродѣтелей

Тогда Карменія взошедъ до послѣдней ступени противъ Самоса, который ни видѣлъ, ни слышалъ почти ничего, что происходило, сняла свое покрывало, и открыла глазамъ его ту безпримѣрную красоту, ту любезную Зелониду, за которую бы онъ отдалъ всѣ короны цѣлаго свѣта. Невозможно изьяснить того, что почувствовалъ тогда изумленной Самосъ! Что вижу я, вскричалъ онъ, истинное ли мое счастіе, и не обманываетъ ли меня мое зрѣніе? Нѣтъ, государь, отвѣчала ему сія прекрасная Принцесса, ты видишь въ Карменіи пастушку Зелониду, для которой ты хотѣлъ презрѣть корону столь достойно заслуженную, на конецъ ты видишь Карменію, которую Небо, воля ея родителя и желаніе всего народа тебѣ опредѣлили.

Самосъ, едва выслушалъ сіи послѣднія слова, снялъ тотчасъ корону съ головы своей и возложивъ оную на Карменію говорилъ: будь ты Царица, великая Принцесса, и удостой принять перьвую жертву, сердце свидѣтель-

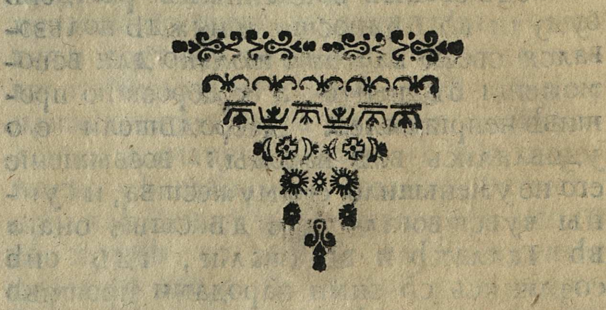
тельствующее искренную любовь и глубокое почитаніе отъ щастливѣйшаго Самоса. Онъ хотѣлъ было упасть къ ея ногамъ при окончаніи сихъ словъ, но она для удержанія подала ему руку и говорила, пойдемъ во храмъ, государь, пойдемъ утвердить мнѣ столь драгоцѣнное дарованіе. Тогда ввезли на сей лугъ преславную колесницу, и подвезли оную къ самому камню для принятія сихъ знатныхъ любителей: они сѣли въ оную и въ провожаніи всего шляхетства и многихъ другихъ колесницъ съ госпожами пріѣхали ко храму, гдѣ все уже приготовлено было къ ихъ совокупленію. Алманусъ учредилъ всю церемонію съ великимъ великолѣпіемъ, принялъ Самоса и Принцессу при входѣ во храмъ со всѣми служителями царскаго двора. Сей новой царь возрадовавшись его увидя показывалъ ему великую любовь, и казался при сей церемоніи весьма отмѣненъ отъ того, каковъ былъ при первой; онъ получилъ при оной всѣ свои пріятности, и влагалъ тѣмъ такое удивленіе въ Коринѳянъ, что они не могли пребыть въ молчаніи, котораго требовала святость того мѣста. На конецъ

нецъ сїи любители сопряжены были вѣчнымъ союзомъ, и возвратились въ царской домъ при непрестанномъ восклицанїи провождающаго ихъ народа, и при всеобщей радости, но Самосова радость гораздо оную превосходила, и никакой человѣкъ не можетъ столь совершенно познать своего благополучїя, ниже быть онаго столь достойнымъ, какъ онъ. Онъ былъ справедливой король, вѣрной супругъ и отецъ своихъ подданныхъ. Рожденъ будучи въ бѣдности и нуждѣ пользовался своею властїю только для вспоможенїя бѣднымъ, а храбростїю противъ непрїятелей. Добродѣтели его удивлялись всѣ народы; возвышенїе его не уменьшило его мужества, и Гунны чувствовали еще дѣйствїе онаго въ Галлахъ и въ Iталїи, гдѣ онъ соединясь съ сими народами противъ Аттилы имѣлъ преславное участїе въ достопамятномъ пораженїи сего варварскаго царя, у котораго они побили болѣе двухъ сотъ тысячь человѣкъ войска. Послѣ того Самосъ жилъ и владѣлъ подъ руководствомъ справедливости и добродѣтели, и хотя его владѣнїе было многолѣтно, однакожъ Коринѳянамъ казалось весьма кратко,

которые

которые сохраняя память его и понынѣ еще наблюдают церемонiи его коронованiя при возведенiи своихъ Герцоговъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

СТО
НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

НЕСТРОЕНІЯ
отъ
НЕНАВИСТИ ПРОИСХОДЯЩІЯ.

Въ то время, когда Англія почитала Ідоловъ, Тринобатская земля изъ наилутчихъ тогда лежащихъ на берегу рѣки Темзы, областей раздѣлена была между двумя принцами, которые по своимъ преизряднымъ свойствамъ могли бы подданными своими владѣть щастливо, ежели бъ надмѣрное честолюбіе не побудило ихъ зачать между собою безпокой

стокой и кровопролитной войны: оба завидуя другъ другу, оба желателны показать свою храбрость и оба ища начальства не имѣли ни малаго покоя отъ сей своей неукротимой страсти. Одинъ изъ нихъ назывался, Азеръ и имѣлъ сына трехъ лѣтъ: а другой Динасъ, и у него была дочь по другому году. Они могли бы симъ союзомъ утвердить между собою миръ, и владѣть своими землями въ покоѣ воспитывая дѣтей своихъ въ пріятномъ согласіи: но ненависть такъ усилилась въ ихъ сердцахъ, что ни мало не думали о семъ невинномъ средствѣ къ пресѣченію ихъ несогласія: но какъ не обходимо одному изъ нихъ побѣду получить надлежало, то склонилась оная на Азерову сторону, онъ по многимъ сраженіямъ, которыя только напрасно съ обѣ стороны людей теряли, далъ на конецъ непріятелю своему баталію и оную выигралъ. Не смотря на Динасову храбрость и на смѣлость его солдатъ разбилъ на части его войско, и самого Принца принудилъ спасенія искать въ бѣгу. Побѣдоносный Азеръ получивъ чрезъ сію побѣду свободной входъ въ его земли, наполнилъ оныя

кровїю и огнемъ и прошедъ до самой Динасовой резиденцїи оную осадилъ, и завладѣвши дворцомъ сего Принца велѣлъ вывесть все его богатство и взять въ полонъ невинную Мурцїю его дочь, и няньку ея Ультону. Такимъ образомъ удовольствовавъ движенїи своей ненависти, и покоривъ Динасово владѣнїе подъ свою власть возвратился въ свои земли съ своими плѣнниками переискавъ прежде съ великимъ старанїемъ всѣ мѣста, которыя бы отъ ярости его Динасу убѣжищемъ быть могли; но не нашедъ его нигдѣ возвратился, и чтобъ наградить себѣ сїю неудачу, которая еще несовершенною дѣлала его побѣду, принялъ преужасное намѣренїе умертвить невинную Мурцїю съ ея нянькою на олтаряхъ лживыхъ своихъ боговъ. И такъ употребилъ ихъ для умноженїя славы своего побѣдоноснаго въѣзда, сдѣлалъ всѣ прїуготовленїя къ сей престрашной жертвѣ, и хотѣлъ, чтобъ весь дворъ его при оной съ нимъ присутствовалъ, но Принцесса Корнелїя его супруга сжалившись о нещастїи сего младенца, котораго невинность, прїятность и красота могли бы самыя варварскїя сердца привесть въ сожаленїе, пошла

во храмЪ съ молодымЪ ПринцомЪ Мидлесексомъ своимъ сыномъ, которой какъ прежде помянуто, однимъ только годомъ старѣе былъ Мурцїи, она представя его на рукахъ своихъ Азеру въ то самое время, какъ онъ готовился самъ исполнить свое намѣренїе, говорила смотря на него со всею искренностїю: „ Побѣдоносный Азеръ, взгляни на своего сына, дай волю родительскому сердцу посреди твоего „ гнѣва, и не откажи мнѣ сказать, „ чтобы бы оно тогда почувствовало, „ ежелибы Динасъ получилъ побѣду, „ и вонзилъ бы кинжалъ въ грудь сего „ молодаго Принца? Отъ сихъ словъ Азеръ поблѣднѣлъ, Принцессино дѣйствїе его смутило, и не могъ ничего отвѣчать, обращалъ глаза свои на всѣ стороны храма, и не видя ничего кромѣ слезъ провожаемыхъ съ глубокимъ молчанїемъ, не могъ и самъ отъ оныхъ удержаться. Принцесса пользуясь симъ естественнымъ движенїемъ продолжала рѣчь свою говоря: „ Ты приходишь въ жалость, „ великїй Принцъ, твой смущенный „ духъ не можетъ онаго вооображенїя „ стерпѣть, и таковой жертвы ви„ дѣть; разсуди же, какое дѣйствїе

„ оное

„ оное сдѣлаетъ въ сердцахъ дру-
„ гихъ? Динасова дочь столько винна,
„ сколько твой сынъ; они оба не
„ знаютъ ненависти своихъ отцовъ,
„ ты небольше причины имѣешь умер-
„ твить Мурцію, сколько бы Динасъ
„ имѣлъ погубить Мидлесекса, ежели
„ бы онъ получилъ побѣду. Не подай
„ такова примѣра жестокости тво-
„ ему непріятелю; люди не всегда
„ бываютъ нещастливы, щастіе
„ непостоянно, ты не знаешь, что и
„ съ тобою боги впредь опредѣлятъ.
„ Но подумай, что Динасъ еще живъ,
„ и что его участь перемѣниться
„ можетъ, не умножай еще причины
„ его мщенія и обагряя руки твои
„ его кровію не принудь его пролить
„ твоей. Гони твоего непріятеля, но
„ почитай невинность, и для уми-
„ лостивленія боговъ противъ сына
„ твоего Мидлесекса умягчи сердце
„ твое противъ Мурціи. Милость
„ есть свойство боговъ, а для уго-
„ жденія имъ надлежитъ оной подра-
„ жать; и сія жертва, которую ты
„ имъ принесешь во одолѣніи твоей
„ ненависти гораздо имъ угоднѣе бу-
„ детъ ея невинной смерти. Принцесса
перестала говорить, а молодой Мид-

 лесексъ,

лесексЪ, котораго красота одной только Мурціи сравняться могла, казалось, что сжалясь на слезы своей матери простерЪ малыя руки свои кЪ Принцу Азеру, будто прося ево показать ту милость, которой отЪ него требуютЪ. И такЪ одолѣлЪ тѣмЪ ярость своего отца, что онЪ не возмогши удержаться отЪ жалости обнялЪ своего сына со слезами, и смотря на Принцессу свою супругу говорилЪ: „ Ты побѣдила, Принцесса, твоя добродѣтель меня одолѣваетЪ и возбуждаетЪ вЪ сердцѣ моемЪ чувствіе человѣчества, которое слѣпое мщеніе изЪ онаго изгнать хотѣло; я отдаю тебѣ Мурцію, и когда ты желаешь быть ей вмѣсто матери, то и я впредь ее какЪ мою дочь содержать буду; но позволь, чтобЪ я ей отдавЪ жизнь, загладилЪ имя ее изЪ моей памяти, чтобЪ для удаленія изЪ моихЪ мыслей всего того, что непріятелю моему извѣстіемЪ служить можетЪ, онабЪ не называлась больше Мурціею но Корнеліею, дабы нося твое имя она со временемЪ домогалась сдѣлать себя онаго достойною, подражая твоимЪ добродѣтелямЪ,

Разумная Принцесса была весьма довольна, что выпросила жизнь невинной Мурціи и не противилась столь малому дѣлу, благодарила своему супругу съ такою радостію, какъ бы онъ собственнаго ея сына отъ смерти избавилъ, и представя ему молодую Тринобатскую Принцессу, принудила ево признать, что она достойна ево милости. Ультона упала къ его ногамъ, и обѣщала воспитать Корнелію въ чувствіяхъ вѣчной благодарности. Народъ, служители Азерова двора и жрецы показывали единогласную радость о сей счастливой перемѣнѣ; тельца закололи вмѣсто Мурціи, и ево внутренняя имѣли всѣ потребные знаки для увѣренія сихъ Ідолопоклонниковъ, что боги довольны бывшимъ въ храмѣ ихъ приключеніемъ. По семъ не помышляли ни очемъ, токмо о торжествованіи Азеровой побѣды. Ево добродѣтельная супруга радуясь, избавя остатокъ сей знатной крови, приняла подлинно о Корнеліи стараніи искренней матери, и взявъ ее съ Ультоною въ свой домъ, велѣла воспитывать ее съ такимъ радѣніемъ, какъ своего сына Мидлесекса. Небо наградило ея

великодушное сожалѣніе одаривъ молодую Корнелію всѣми совершенствами.

Ульшона оставленная при ней въ тойже должности, въ какой была при Динасовомъ дворѣ чувствовала Принцессину милость и крайнѣе попеченіе имѣла возрастить такіяжъ чювствіи и въ молодой Корнеліи, которая по Азерову и супруги его приказу не знала до шеснатцати лѣтъ возраста нещастія своего отечества, и кто былъ ея отецъ. Разумная Принцесса намѣрилась сама ей оное со временемъ объявить, когда востребуетъ того нужда. Чрезъ всегдашнее въ воспитаніи съ своимъ принцомъ Мидлесексомъ обхожденіе обязались сердца ихъ съ самыхъ перьвыхъ лѣтъ искреннею дружбою, и когда уже въ возрастъ пришли и въ состояніе, стали разсуждать о разности представляющихся глазамъ ихъ вещей. Тогда взаимно находили другъ друга столь отмѣнныхъ отъ другихъ, что соединяющую ихъ по сіе время дружбу премѣнили тотчасъ въ любобь, и хотя уже довольно смысла имѣли познать взаимно свою драгоцѣнность, но еще весьма молоды будучи знать любовь, предались своимъ склонностямъ, не провидя

видя сокровенной въ томъ опасности, и не находя ни въ чемъ такого увеселенія, какъ въ любленіи другъ друга, и взаимно другъ друга тѣмъ увѣряли. Чрезъ сію свободу дали они страсти сей такое начальство надъ своими сердцами прежде еще нежели знали ея имя, что одна минута, когда они были разно, казалась имъ наижесточайшею казнію.

Корнелія Азерова супруга которую я для различенія съ Динасовою дочерью симъ послѣднимъ именемъ называть буду, смотрѣла съ веселіемъ на начало сей искренности имѣя намѣреніе по избавленіи ея отъ смерти исправить ея нещастіе соединя ее съ Принцомъ Мидлесексомъ своимъ сыномъ, обязала Ультону утверждать ихъ любовь такимъ образомъ, чтобъ оная погаснуть не могла, когда они узнаютъ ненависть своихъ отцовъ. Ультона точно исполнила ея повелѣніе и сердца сихъ двухъ невинныхъ любителей столь склонны были ея намѣренію, что весь Азеровъ дворъ видѣть могъ ихъ пріятное согласіе, котораго они и сами еще источника не знали. Азеръ смотрѣлъ на оное такъ

какъ и прочие; но какъ уже пламя ево мщенія завоеваніемъ неприятельскихъ земель потеряло прежнюю свою силу, и ево любовь къ Корнеліи не допускала ево спорить противъ ея желанія, то не противился онъ успѣху невинной горячности сихъ дѣтей, будучи сверхъ того увѣренъ, что онъ не можетъ сыну своему сыскать знатнѣе сей невѣсты. Такимъ образомъ казалось все склонно ихъ страсти и любовь не нашедъ никакого препятствія покорить ихъ своей власти, наложила на нихъ такія крѣпкія оковы, которыхъ ничто, кромѣ смерти разорвать не могло.

Тѣмъ временемъ, какъ они преуспѣвали въ лѣтахъ, и чрезъ свои добрыя свойства были удивленіемъ большихъ и малыхъ, нещастливой Динасъ не имѣя больше въ своемъ владѣніи никакого прибѣжища, и боясь впасть въ руки своему непріятелю, укрылся изъ баталіи съ однимъ только изъ своихъ подданныхъ, и обратился подъ прінятіемъ другаго имени къ своему союзнику Готскому Королю. Сей Государь сжалясь на ево состояніе, принялъ ево дружелюбно, утѣшалъ ево и обѣщалъ ему помогать противъ

Азера

Азера, но въ то время имѣлъ самъ войну съ своими сосѣдами, и для того принужденъ былъ Динасъ ожидать способнаго времени къ полученію потребной ему помощи. Сей Принцъ не знаемъ будучи въ Гентѣ чаялъ, что ево непріятель за мертваго почитаетъ, или погибша безъ всякой надежды ко избавленію, хотѣлъ подкрѣпить сіе чаяніе и оставя ево въ невѣденіи о своемъ состояніи и прибѣжищѣ нести до времени имя Ессекса, которое принялъ для своего спасенія и при всемъ дворѣ Гентскаго Короля почитали ево за иностранца пріѣхавшаго заслужить себѣ славное имя.

Ихъ Государь только одинъ зная Динасову тайность, утвердилъ ихъ въ семъ мнѣніи, давъ знатные чины ему въ своей арміи, которые онъ исправлялъ съ такою храбростію и разумомъ, что войски лишившись своего главнаго командира просили ево на ево мѣсто: Гентской Король радуясь о сей прозбѣ въ томъ имъ неотказалъ, желая, чтобъ Динасъ (котораго я впредь Эссексомъ называть буду) довольную любовь отъ нихъ къ себѣ получилъ и безъ труда бы ихъ склонить могъ итти съ нимъ противу Тринобантовъ; но вой на сего

Принца была столь продолжительна и провожаема такими смятеніями вЪ его земляхЪ, что чрезЪ цѢлые пятнатцать лѢтЪ ему невозможно было исполнить того, что Эссексу каждой день обѢщалЪ. ВЪ сіе время свѢдалЪ нещастливой ЭссексЪ сЪ крайнею болѢзнію совершенное завоеваніе своихЪ земель, и смерть Принцессы своей дочери. Распространившейся слухЪ увѢдомлялЪ его только о той жестокости, которую АзерЪ показалЪ вЪ принесеніи ея вЪ жертву своимЪ богамЪ, не упоминая нимало притомЪ о великодушномЪ супруги ево сожалѢніи, ниже о милости его непріятеля.

Каждой себѢ легко представить можетЪ, какое дѢйствіе сія вѢдомость сдѢлала вЪ ЕссексовомЪ сердцѢ? Когда жарЪ, сраженіе и страхЪ, чтобЪ не быть подвержену Азеровой власти, склонили его кЪ бѢгу, тогда онЪ ни мало не думалЪ о молодой Мурціи; но какЪ скоро сыскалЪ себѢ честное и надежное прибѢжище, то вспомнилЪ, что онЪ отецЪ, и почувствовалЪ чрезвычайное безпокойство о нещастіи сей невинной Принцесы. Между тѢмЪ чая, что АзерЪ доволенЪ будучи своею побѢдою почтитЪ

тить ево кровь и признаетъ невинность своей плѣнницы, терпѣлъ съ постоянствомъ свое изгнанїе, всегда себя лаская итти со временемъ вооруженною рукою, извлечь дочь свою и владѣнїе изъ рукъ своего побѣдителя.

Но сколь велико было ево отчаянїе, какъ онъ свѣдалъ ту немилосердую жертву, которую Азеръ богамъ своимъ принесъ въ невинной Мурцїи. Мщенїе ево обратилось въ ярость въ лишенїи ево земель уже ему чувствительно не было; но вмѣсто того обладало имъ сожалѣнїе, чтобъ растерзать сердце своего непрїятеля, и ежели бы Гентской Король всей знатности своей къ увѣщанїю ево не употребилъ, то бы онъ одинъ поѣхалъ подъ притворнымъ именемъ къ Азерову двору искать случая, чтобъ вонзить кинжалъ въ ево сердце; но разумной Король умѣлъ столько успокоить ево мысли, что обязалъ ево дожидаться, пока можетъ дать ему войско для наполненїя Тринобатской земли кровїю и огнемъ; а тѣмъ временемъ, какъ они упражнялись въ сихъ кровавыхъ намѣренїяхъ, становилась Корнелїя и Мидлесексъ чудомъ

всей

всей Европы. разумъ зачинающїй просвѣщать ихъ смыслъ, показалъ имъ источникъ ихъ взаимной другъ другу склонности. Корнелїя стала осторожнѣе, а Мидлесексъ смѣлѣе, но хотя онъ ей безпрестанно говорилъ о своей любви, и что не знаетъ ея рожденїя; однакожъ всегда съ такимъ почтенїемъ, что она тѣмъ нимало себя обиженною признать не могла.

Между тѣмъ, какъ стыдливость всѣ ея поступки соединяла съ нѣкоторою холодностїю, Мидлесексъ о томъ весьма беспокоился, привыкши къ сладкой вольности, которую имѣлъ въ первыя свои лѣта, не могъ безъ болѣзни видѣть, что умноженїе лѣтъ казалось чинить ей нѣкоторыя препятствїи, и что едва только пламя его новую силу получать стало, то Корнелїя зачала суровостїю своею ставить ему границы, а Принцесса на противъ того безпокоясь о той искренности, которую чувствовала въ себѣ противъ Мидлесекса, старалась безполезно себя преодолѣть. Она чая себя совершенно подвластною Азеру и его супругѣ, и свѣдавъ по приказу сей Принцессы отъ

Ультоны и прочихъ, которые при ней служили, что она дочь нѣкотораго Господина бывшего при Динасовомъ дворѣ, и убитаго въ послѣдней баталіи, и что жизнію и свободою своею обязана одной только побѣдителевой милости, не смѣла ласкать себя такимъ союзомъ, которой почитала выше своего достоинства. На себя въ семъ мнѣніи сердяся, что допускала возрастать съ лѣтами своими такой склонности, которую преодолѣть уже была безсильна, старалась себя за то наказать, показывая холодность, хотя въ сердцѣ ея и слѣда оной не было.

Мидлесексъ не возмогши снести такую премѣну, и желая окончать свое мученіе, какъ дорого бы то ни стало, намѣрился открыть оное Ультонѣ и склонить ее себѣ въ пользу. Сія госпожа точно увѣдомляла супругу Азерову о поступкахъ сихъ молодыхъ любителей; но не могла еще увѣрить ее о ихъ любви, какъ только по одному виду. Корнелія стала такъ осторожна вступивши на четырнатцатой годъ, что ей не возможно было узнать тайность ея сердца, а Мидлесексъ показывалъ свою страсть

страсть только любительными взглядами и прилѣжными услугами, не говоря никогда съ Корнелїею, развѣ когда по случаю найдетъ ее изрѣдка одну. Въ таковыхъ обстоятельствахъ будучи, намѣрился онъ открыться Ультонѣ, и скоро случай къ тому нашедъ просилъ, объявя силу своей страсти, чтобъ она сыскала средство ему тайно видѣть Корнелїю, дабы никто не помѣшалъ ему съ нею говорить, и чтобъ онъ время имѣлъ узнать ея мнѣнїе.

Я знаю, говорилъ онъ ей, что мнѣ легко видѣть ее у Принцессы моей матери, или буде ты позволишь принять ей меня въ твоихъ покояхъ, но вездѣ вкругъ насъ столько смотрителей, что я не могу свободно открыть моего сердца, а прекрасная Корнелїя не можетъ мнѣ инако отвѣчать, какъ только съ тороплливостїю, которая меня приводитъ въ отчаянїе; обрадуй меня твоимъ старанїемъ, великодушная Ультона, мои чувствїи не имѣютъ ничего въ себѣ такого, отъ чего бы Корнелїя стыдиться долженствовала; я только для того ищу ея сердца, чтобъ мое съ нимъ на вѣки соединить, и для

того

того только хочу знать мою судбину, чтобъ склонить Принцессу мою матушку на нашу пользу, ежели Корнелія согласится на мою любовь, или умереть въ отчаяніи, буде не получу взаимной ея любви.

Мидлесексъ говорилъ съ такою язвительною пріятностію, любовь и откровенность столь ясно были видны въ ево глазахъ, что Ультона едва удержаться могла скрыть отъ него Корнеліино намѣреніе, но боясь ее тѣмъ прогнѣвать умолчала, и притворясь будто она только по его неотступной прозбѣ желаетъ его удовольствовать, обѣщала Корнелію тогожъ дня вывесть въ садъ для тайнаго ему съ нею разговора. Принцъ восхищенъ отъ радости, показывалъ ей со всею искренностію свою благодарность. Ультона какъ скоро его оставила, увѣдомила тотчасъ Принцессу о семъ свиданіи, и о сильной Мидлесексовой любви; сему Принцу было только шеснатцать лѣтъ, и хотя добродѣтельная мать его отъ всего сердца желала, чтобъ онъ полюбилъ Корнелію, которую въ томъ намѣреніи и воспитала съ нимъ вмѣстѣ, однакожъ не могла удержаться отъ изумленія, узнавъ

что

что онъ уже съ такою твердостїю о томъ думаетъ. Она любопытна будучи узнать чувствїи Динасовой дочери прежде, нежели о совокупленїи ихъ стараться зачнетъ, хотѣла слышать сей разговоръ, и для сего назнача Ультонѣ рощицу въ своемъ саду способную къ ее намѣренїямъ, самой скрыться въ темную алею, которыми оная окружена и оттуда слышать ихъ разговоръ, самой будучи невидимой.

Такимъ образомъ наступилъ назначенной къ сему свиданїю часъ. Ултона позвала Корнелїю въ садъ, и какъ сїя прекрасная Принцесса была въ такомъ состоянїи своихъ мыслей, которыя всегда ее принуждали искать уединенїя, то Ультонѣ весьма нетрудно было привесть ее ко означенной рощицѣ, она сама собою въ нее вошла и сѣла погружена въ глубокихъ мысляхъ, плѣнный Мидлесексъ примѣчателенъ на всѣ ея шаги, увидѣлъ ее тотъ часъ, ево взоръ извлекъ ее изъ сей задумчивости и не сумнѣваясь, что онъ пользоваться будетъ симъ случаемъ открыть ей свою страсть, встала тотчасъ, чтобъ итти далѣе изъ сей рощицы, но онъ ее удержалъ и смотря

со всею

со всею искренностію на нее говорилъ: или я вамъ такъ противенъ, государыня, что вы ни одной минуты меня при себѣ видѣть не можете?

Я была бы весьма нещастлива, милостивой государь, отвѣчала она, ежели бы вы то почли за дѣйствіе противности, что только отъ должнаго вамъ почтенія происходитъ. Оставимъ, прекрасная Корнелія, пресѣкъ онъ ея рѣчь, оставимъ сіи слова тѣмъ, которые намъ послушны быть должны, тебѣ только принадлежитъ то почтеніе; ежели ты чаешь, что я оное преступилъ разруша твое уединеніе, то обвини тѣмъ только твою несправедливую суровость, которую ты мнѣ нѣсколько времени показываешь. Тѣмъ временемъ, какъ онъ сіе говорилъ, Ультона, чтобъ дать ему свободу, ихъ оставила и удалилась такимъ пристойнымъ образомъ съ прочими госпожами, что они ничего изъ разговора ихъ слышать не могли, а Мидлезексъ принудя Корнелію сѣсть, продолжалъ рѣчь свою: я признаюсь, любезная Корнелія, что твоя жестокая холодность принуждаетъ меня выйти изъ границъ, которыя моей сильнѣйшей страсти

поставилЪ; ахЪ! Корнелія, можешьли ты такЪ скоро забыть тѢ невинныя клятвы, которыми безпрестанно обѢщалась любить меня вѢчно, какіе изЪ моихЪ поступокЪ могли загладить изЪ памяти твоей тѢ увѢреніи, которыя столь много разЪ я тебѢ о любви моей давалЪ. Увы! во что обратились тѢ сладкіе часы, когда ты чувствительна бывши противЪ моихЪ услугЪ, казалась, что только живешь для меня, и желала, чтобЪ и я для тебя только жилЪ.

Ты смущаешься, продолжалЪ онЪ увидя, что она вЪ лицѢ перемѢняется; выговоры мои тебя тревожатЪ, разумЪ, которой только для того меня просвѢтилЪ, чтобЪ лутче познать твою драгоцѢнность, тебѢ для того ли далЪ свое совершенство, чтобЪ ненавидѢть нещастливаго Мидлесекса.

АхЪ, милостивый государь, пресѢкла Корнелія рѢчь его, залившисъ слезами, престаньте мучить несчастливую; мнѢ ли презирать и ненавидѢть Мидлесекса? О небо! Какова преступленія чаете вы меня виновною? АхЪ государь, продолжала она сЪ искренностію, сіе только обвиненіе имѢетЪ силу меня принудить ко открытію

вамЪ

вамъ моего сердца; но какъ я себя оправдать не могу, чтобъ не обьявить вамъ притомъ того, что оно чувствуетъ: такъ вѣдайте въ последней разъ, что лѣта и разумъ для того только мнѣ разсужденіе дали, чтобъ съ большею отмѣнностію удивляться тѣмъ дарованіямъ, о которыхъ я въ ребячествѣ моемъ съ несовершенствомъ разсуждала; и вмѣсто того, чтобъ мнѣ забыть мысли прежнихъ моихъ щастливыхъ лѣтъ, мое сердце сохраняетъ и по нынѣ ту любезную память. Не сомнѣвайтесь, государь, Корнелія и нынѣ таковажъ какъ была прежде, и ежели время сдѣлало въ ней нѣкоторую перемѣну, то оная состоитъ только во умноженіи искренности, надъ которою она власти уже имѣть не можетъ. Но увы! что пользы намъ любить другъ друга, и другъ друга въ томъ увѣрять, когда мы не опредѣлены одинъ для другова. Я сама себя не знаю, мою природу скрываютъ въ непостижимой тайности, и хотя сказывали мнѣ о нещастіи моего отечества, о побѣдѣ одержанной надъ моимъ отцемъ, и увѣряли меня, что я происхожу отъ

 знат-

знатной крови; но и по нынѣ еще таятъ отъ меня имя даровавшаго мнѣ жизнь.

Разсудите, властна ли я надъ моимъ сердцемъ, когда я сама себя не знаю, должноли мнѣ питать любовь Принца, которой руки своей не может дать незнакомой дѣвкѣ, и не была ли бы я за всѣ родителей вашихъ ко мнѣ милости виновна наибольшей въ свѣтѣ неблагодарности, ежелибы стараться хотѣла влагать въ сына ихъ чувствіи противныя ихъ волѣ; нѣтъ, государь, того не надѣйтесь, я не знаю моего рода, но знаю честь и добродѣтель. Онѣ мнѣ предводительницы и онѣ учатъ меня, что когда страстей своихъ преодолѣть не можно, то по крайнѣй мѣрѣ надлежитъ имъ поставлять границы, и столько себя побѣждать, чтобъ никогда не стыдиться своей слабостіи, мнѣ не возможно не видѣть, что Мидлезексъ достойнѣе всѣхъ Принцовъ, но и то мнѣ нетрудно познать, что онъ рожденъ не для меня, и сколько бы ни могла невинна быть любовь чистотою нашихъ мнѣній, однако будетъ наказательна, ежели усилится противъ воли тѣхъ, которымъ насъ

судьба

судьба подвластными учинила; будьте довольны, государь, симъ признанiемъ, къ которому вы меня принудили, и не удивляйтесь, ежели я еще радѣтелнѣе прежняго удаляться буду отъ опаснаго удовольствiя, которое всегда въ присутствiи вашемъ имѣла. При сихъ словахъ хотѣла она встать и итти прочь, но Принцъ намѣренъ было былъ ее удержать, какъ Принцесса его мать показалась ихъ гразамъ, она ничего не уронила изъ сего разговора, и наполнена удивленiемъ и добродѣтелью сихъ молодыхъ любителей не хотѣла мѣдлить во избавленiи ихъ отъ мученiя, и съ тѣмъ намѣренiемъ къ нимъ вышла.

Чрезъ ея нечаянное присутствiе Корнелiя разсуждая, что она разговоръ ихъ слышала, такъ смутилась, что бросилась тотчасъ къ ея ногамъ, не зная сама, для какой причины Мидлезексъ гораздо ея смѣляе, и намѣренъ открыть матерѣ своей всю тайну, сдѣлалъ тожъ, и цѣлуя руки ея со всею искренностiю готовился говорить; но разумная Принцесса обняла ихъ обѣихъ, и принудя ихъ встать говорила: успокойтесь, мои дѣти, я не за тѣмъ сюда пришла,

чтобъ разрушить тотъ союзъ, которой сама между вами утвердить старалась; повѣрь Мидлесексъ, повѣрь Корнелія, продолжала она принудя ихъ подлѣ себя сѣсть, я ничего такъ не желала, какъ видѣть васъ соединенныхъ, и съ превеликою радостію слышу, что ваши сердца непротивны моей волѣ; но когда мы теперь одни, и уже время объявить вамъ ту причину, которая меня принуждала желать вашего согласія; такъ вѣдай природу свою, любезная Корнелія, и по семъ зачавши сказывать ей съ самаго начала ненависти произшедшей между Динасомъ и Азеромъ, не утаила отъ нее ничего, какія долговременныя и жестокія войны оная произвела, и дошедъ до послѣдней описала съ такою живостію Азерову ярость, его побѣду, разграбленіе Динасова двора, увезеніе Мурціи его дочери, кровавую жертву, которую Азеръ богамъ хотѣлъ принесть и какимъ образомъ она ему въ томъ помѣшала; и продолжая свой разговоръ обняла Корнелію и говорила: любезная Корнелія, ты то Динасова дочь, ты называлась Мурціею, и тебя избавила я отъ смерти. Сія молодая

лодая Принцесса не преставая во время ея разговора проливать слезы не столько отъ радости о своей знатной природѣ, сколько отъ печали о Динасовомъ нещастїи, вскричала на конецъ, увы! мой родитель, длячего ты не увезъ меня съ собою, или для чего не взялъ меня съ собою во гробъ? Я не была бы нынѣ совиновною твоего нещастїя, имѣя противъ непрїятелей моихъ тѣ чувствїи, которыя къ тебѣ только одному имѣть долженствовала. Сїе имя, отвѣчала мать Мидлесексова, не принадлежитъ намъ больше, любезная Корнелїя, Азеръ сожалѣетъ о твоей невинности, плѣненъ твоею красотою, и еще больше твоимъ разумомъ желаетъ, чтобъ Принцъ ево сынъ наградилъ тебя тѣмъ, чего ты чрезъ него лишалась, и съ его рукою отдаетъ тебѣ твое наслѣдство: смерть Принца твоего отца уже несумнительна, потому что о немъ ничего неслышно, сколько ни старался Азеръ его сыскать. Но буде какимъ непостижимымъ щастїемъ боги его сохранили, то они же покоривъ тебя нашей власти, по законамъ войны, и по правамъ побѣды не позволяютъ тебѣ противиться въ при-

нятіи супруга, которой побѣдителю подданъ, и которой своимъ союзомъ не токмо возвратитъ тебѣ твое наслѣдство, но и свое со онымъ соединитъ.

Изо всѣхъ причинъ, милостивая государыня, отвѣчала Корнелія, которыя могутъ меня вамъ обязать, одну только благодарность должно сердце мое чувствовать. Я должна жизнію вашему сожалѣнію, и ежели печальная участь отца моего принуждаетъ меня признавать Азера разорителемъ моей фамиліи, и похитителемъ моего владѣнія, то напротивъ того искренния ваши обо мнѣ стараніи обязуютъ меня почитать васъ благодѣтелницею, противъ которой всѣ причины ненависти и мщенія исчезать должны; но сіи самыя благодѣяніи подаютъ мнѣ надежду, что вы не будете принуждать меня поступать противъ моей должности. Я совершаю то, чемъ вамъ должна, забываю Азеровы жестокости и нещастіи моего отечества, и еще сверхъ того не почитаю его больше моимъ непріятелемъ, и признаюсь, что Принцъ Мидлезексъ миляе мнѣ моей жизни, и что противъ моей великодушной

ликолушной благодѣтельницы всю ту искренность вЂ себѣ чувствую, какой она отЂ собственной дочери своей требовать можетЂ: за всѣмЂ тѣмЂ, милостивая государыня, продолжала она падши кЂ ея ногамЂ, позвольте мнѣ исполнить и то, чемЂ я нещастливому отцу моему должна, и позвольте мнѣ противиться благополучїю, пока обстоятельнѣе не свѣдаю о его судбинѣ; буде онЂ умерЂ, то я должна оплакивать ево память, а буде еще живЂ, то я не могу руку мою отдать безЂ его соизволенїя; законы войны даютЂ вамЂ власть только надЂ моею свободою, но не отнимаютЂ у меня того, чемЂ по крови я обязана. Я называлась Динасовою дочерью не бывЂ еще вашею плѣнницею, и не могу отдаться Мидлезексу, пока смерть не лишитЂ меня его начальства, или пока его соизволенїе не будетЂ согласно сЂ моимЂ желанїемЂ. Сїя Принцесса могла бы еще долго говорить, но боясь, чтобЂ избавительница ее рѣчь ея не пресѣкла, которая изумѣлась видя такой ея разумЂ, и такую твердость вЂ толь еще немощныхЂ лѣтахЂ, принуждена была перестать. По окончанїи сего мать Мидлезексова давЂ волю

своимъ движеніямъ, обняла Корнелію и поднявъ съ земли говорила : твоя добродѣтель , любезная Корнелія , подаетъ столь изрядной примѣръ Принцу моему сыну , что я жаловаться не могу на дѣйствіи твоей преданности противъ Динаса , ниже противиться исполненію оныхъ , и хотя я нималой надежды не имѣю о его жизни , и отъ всего сердца желаю видѣть совокупленіе ваше , однако докажу тебѣ мою искренность , и обѣщаю Азера склонить , чтобъ онъ ничего не зачиналъ , пока подлиннѣе не увѣдомится о состояніи твоего отца , но въ награжденіе за то требую , чтобъ ты , хотя бы никакова успѣху взысканіе наше не возымѣло, не противилась больше Мидлесексову щастію.

Нѣтъ , милостивая государыня , говорилъ при семъ Принцъ, приведенъ будучи симъ разговоромъ въ наибольшую печаль, нѣтъ , мнѣ не осталось никакого больше щастія, я совершенно предвижу чувствіи несравненной Корнеліи, Азеровъ сынъ непріятель Динасовъ , и уже ей Мидлесексъ не столь миль, каковымъ она его не знавъ нещастій своихъ почитала; то, что

она

она въ немъ прежде любить могла, становится въ глазахъ ея причиною омерзѣнія; но и я самъ пораженъ объявленіемъ сей нещастливой тайности; столь недостойнымъ себя нахожу ея любви, что ничемъ кромѣ пролитія моей крови та ненависть, которую отецъ мой возбудилъ, отмститься не можетъ.

Принцъ, пресѣкла его рѣчь мать, вставши съ своего мѣста, перестанемъ говорить больше о ненависти и мщеніи, живи любя Корнелію, и заслуживая взаимную ея любовь, она гораздо больше разума имѣетъ, нежелибы тебя обвинить могла тѣмъ, въ чемъ ты никогда не имѣлъ ни малаго участія, станемъ Динаса искать, откроемъ его убѣжище, и буде онъ живъ, отложимъ до его взысканія ваше щастіе и наше примиреніе, между тѣмъ храните открытую вамъ отъ меня тайность, пока Аверъ самъ намѣрится оную объявить, и тѣмъ временемъ, какъ я всею силою о щастіи вашемъ стараться стану, помните, что вы любя другъ друга искренною и чистою горячностію сдѣлаете благополучіе мое непремѣннымъ. При сихъ словахъ

вахъ обнявъ ихъ еще оставила то мѣсто, и возвратилась съ ними къ прочимъ придворнымъ, которые съ Азеромъ въ саду гуляли. Корнелїя не отходила отъ Принцессы во весь тотъ день, а Мидлезексъ не надѣясь больше случая сыскать съ нею говорить, возвратился въ свои покои, чтобъ безъ помѣшательства разсуждать о ласкательныхъ обѣщанїяхъ Принцессы своей матери.

Корнелїя со своей стороны какъ скоро осталась одна съ Ультоною, тотчасъ объявила ей, сколь чувствительно ей то, что она такъ долго таила отъ нее ея природу, и что Мидлезексу дала случай съ нею на единѣ говорить, удаляся нарочно отъ нея съ прочими госпожами: недолженствовалали ты меня увѣдомить о моей судбинѣ, и твоими совѣтами защищать сердце мое отъ любовной язвы, которую я безъ преступленїя принять не могла; долженствовала ли ты предпочитать пользу непрїятеля твоему государю, ичести ево крови. Хотя Корнелїя сїи выговоры чинила въ прїятной тихости и больше оные казались отъ болѣзни, нежели отъ гнѣва, однакожъ

кожъ ультонѣ были оные чювствительны. Она сохраняла въ сердцѣ своемъ преданность къ своему государю, которая ее чаять склоняла, что ей долженствовало отъ всякаго подозрѣнія удалятьса, одна только боязливость и невольное послушаніе принуждали ее поступать по Принцессинымъ намѣреніямъ; страхъ, которому Мурція въ младенчествѣ своемъ была подвержена, не выходилъ никогда изъ ея мыслей, она опасна будучи о ея жизни и видя, что единъ способъ къ ея спасенію и къ возвращенію ей ея наслѣдства, есть толко тотъ, чтобъ укрощать Азера и угождать Мидлезексу, воспитала ея въ чувствіяхъ любви и благодарности, которыя ей потребны казались къ ея щастію и безопасности; для того, ей отвѣчала, я не надѣялась приносить вамъ оправданія о моихъ поступкахъ, которые для того только употребляла, что бы васъ сдѣлать щастливою. Динасово побѣжденіе, смерть или изгнаніе, завоеваніе его земель, разграбленіе его двора и вы подвержены побѣдителевой власти, вооруженная его рука къ пролитію вашей крови и

сомнѣніе

сомнѣніе о движеніяхъ великодушнаго его сожалѣнія были причиною всѣхъ моихъ поступкокъ; могла ли я удержать его ярость не прибѣгая къ его милости и непокоривъ себя его волѣ, и могла ли я надьяться вывести васъ отъ такого печальнаго паденія, и избавить васъ отъ недостойной неволи не слѣдуя показаннымъ мнѣ къ полученію того путямъ; какая помощь свободила бы васъ отъ чувствій ненависти и мщенія, которыя бы я въ васъ возвратить могла; какая польза былабы вамъ отъ презрѣнія, отъ обличенія и отъ гордости: они не возвратилибъ вамъ Динаса и его владѣнія, но только бы еще Азера раздражили и подверглибъ васъ страху преданной быть его гнѣву; не лутчели того я засвидѣтельствовала вамъ мою вѣрность и любовь, когда влагала въ васъ чювствіи почтенія и благодарности способныя къ примиренію вашихъ непріятелей, потому что они намѣрены по смертѣ вашу сдѣлать васъ щастливою, на противъ того я въ васъ сіи чувствіи влагала противъ Принцессы, которая избавила васъ отъ смерти, и противъ Мидлезекса разумнѣйшаго и прекра-

прекраснѣйшаго изъ всѣхъ Принцовъ; ахъ! Принцесса продолжала она со слезами, чаяла ли я получить неправыя упреканiи въ награжденiе моего раденiя и моей вѣрности.

Прекрасная Корнелiя почитала Ультону себѣ вмѣсто матери, сжалилась на ея слезы, къ которымъ ее принудила, и обнявъ ее говорила: упусти, любезная Ультона, моей безразсудности тѣ слова, которыя одно только чувствованiе Динасовыхъ нещастiй сказать меня принудило; увы, вмѣсто сомнѣнiя о твоей вѣрности я хочу ввѣрить тебѣ важнѣйшую тайность моей жизни, твои старанiи весьма преуспѣли, продолжала она вздохнувши, мои непрiятели мнѣ милы, и и Мидлесексъ такъ овладѣлъ моимъ сердцемъ, что память учиненныхъ намъ отъ отца его злополучiй едва находитъ въ немъ мѣсто. Сiе бы напрасно было, ежели бы я хотѣла благодарности приписать тѣ движенiи, которыя въ себѣ чувствую, любезная Ультона, любовь только одна оныхъ причиною, она позлащала мои оковы, и представляетъ мнѣ Принцессу супругу Азерову милосердою, а самаго Азера побѣдителемъ великодушнымъ, ежели

ли бы я не любила сына, то сожалѣніе матери и милость его отца не могли бы наградить мнѣ того лишенія, которому они причиною. На конецъ ежели бы я знала мою природу, я бы можетъ быть преодолѣла оную; я скрывала бы оную по крайнѣй мѣрѣ отъ глазъ участіе въ ней имѣющихъ. Азеръ, его супруга и Мидлезексъ не знали бы моей слабости и я не присовокупила бы къ неправымъ ихъ побѣдамъ побѣжденія такого сердца, которое долженствуетъ ихъ ненавидѣть; но увы, теперь уже поздо, любовь превзошла ненависть, и самыя перьвыя слова, которыя я выговаривать выучилась, служили мнѣ только къ изъясненію моей страсти. Сіе то есть, любезная Ультона, сіе есть причиною моего отчаянія, разумъ и государственная польза легко бы при случаѣ разорить могли мою ненависть, ежели бы ты во мнѣ оную противъ непріятелей моихъ воспитала; но противъ любви утвержденной съ самаго младенчества, воспитанной достоинствами того, кто оную вложилъ, и подкрѣпляемой взаимнымъ почтеніемъ, могутъ ли разумъ, должность, и государствен-

ная

ная польза быть нѣкоею защитою. Но для чего преодолѣвать сїю любовь, отвѣчала Ульшона, какое нарушенїе дѣлаетъ она вашей чести, она возвращаетъ вамъ ваше наслѣдство, возстановляетъ миръ въ вашемъ отечествѣ и соединяетъ васъ съ тѣмъ, кого вы любите. Она не возвращаетъ мнѣ моего отца, отвѣчала Корнелїя, онъ странствуетъ по всему свѣту, будучи изгнанъ изъ своего отечества, и можетъ быть подверженъ наибольшей бѣдности, а я могу ли безъ преступленїя добровольно вступить въ союзъ съ тѣми, которые ввели ево въ сїе немилосердое состоянїе? Прекрасная Принцесса не могла выговорить сихъ словъ безъ пролитїя ручьями слезъ; Ульшона сама была неменьше чувствительна, но пользуясь полученною надъ нею властїю такъ изрядно умѣла ей представить, какимъ образомъ она грѣшитъ печалїю своею противъ Провидѣнїя, которое столь старательнымъ показываетъ себя о ея нещастїи, что ея тѣмъ успокоила. Между тѣмъ Корнелїя недовольна будучи тѣмъ, что Принцесса ей расказывала, просила Ульшону пересказать ей обстоятельнѣе Динасову исторїю,

торію. Она ее въ томъ удовольствовала не утая отъ нея и того, чего Принцесса сказать времени не имѣла, или не хотѣла, и обьявя, что Азеръ назвавъ ее Корнеліею запретилъ всѣмъ подданнымъ своимъ подъ смертною казнію упоминать Динасово и Мурціино имя. Сей послѣдней знакъ ненависти вознобновилъ Корнеліину печаль, она продолжала сей печальной разговоръ до самой ночи, да и всю ночь препроводила въ безпрестанной печали. Мидлесексъ не больше ея имѣлъ спокойства, боясь въ омерзѣніи премѣнну видѣть Корнеліину любовь, и чая, что она въ разсужденіи Азеровыхъ насильствъ противиться будетъ союзу съ похитителемъ ея наслѣдства. Но тѣмъ временемъ, какъ сіи любители мучили себя таковыми мыслями вмѣсто того, чтобъ другіе не столь добродѣтельные ни начто не смотрѣли кромѣ ласкательной надежды, боги хотя искусить ихъ прежде совершенія ихъ благополучія старались привесть ихъ къ щастію столь нечаянными, сколь изумленія достойными путями. Азеръ послѣдуя обычаю неправыхъ побѣдителей, погруженъ былъ,

былЪ, можно сказать, вЪ глубокомЪ снѢ, славою своей побѢды довольствуясь; онЪ чая себя быть вЪ безопасности и утвержденна смертію тѢхЪ, коихЪ вѢрность могла быть ему сомнительна, не надѢялся, чтобЪ ДинасЪ будучи шеснатцать лѢтЪ вЪ безЪизвѢстности былЪ еще живЪ. Для того оставя свою ненависть и честолюбіе распустилЪ своихЪ солдатЪ, раздѢлилЪ свою армію и отдавшись сладости покоя, не думалЪ, чтобЪ кто изЪ сосѢдей его отважность возЪимѢлЪ разрушить оную.

Но Гентскій Король возстановя наконецЪ спокойство вЪ своихЪ земляхЪ и хотя исполнить данное Эссексу обѢщаніе, котораго храбрость принудила непріятелей его просить мира, далЪ вЪ команду его знатное число войска и полную власть вести ихЪ куда ему потребно будетЪ. ЭссексЪ будучи преисполненЪ противЪ Азера мщенія и ненависти какЪ скоро себя вЪ состояніи увидѢлЪ удовольствовать свои желаніи, пошелЪ тотчасЪ вЪ Тринобатскую землю, и наполняя оную кровію и огнемЪ, и по всѢмЪ мѢстамЪ распространяя страхЪ и ужасЪ возбудилЪ Азера отЪ прежняго его покоя. А

какъ Генсткій король не обьявилъ сей войны, и казалось, что онъ только для того учинилъ сіе нападеніе, чтобъ безъ дальнаго труда завладѣть его землями; то ему не было времени собрать достаточное войско для ученія отпору его генералу, и свѣдалъ взятье своихъ мѣстъ и раззореніе своихъ подданныхъ чрезъ сего новаго непріятеля прежде нежели сыскать могъ ко отвращенію того нѣкое средство.

Сія удивительная вѣдомость полученная при Азеровомъ дворѣ на другой день послѣ помянутаго разговора двухъ любителей, поразила ужасомъ всѣ сердца, и тѣмъ болѣе привела Азера въ изумленіе, что онъ Гентскому королю ни малаго случая не подалъ поступать съ нимъ съ такимъ насильствомъ. Между тѣмъ время принуждало поспѣшать; непріятель подходилъ къ резиденціи, всѣ отъ него бѣжали, ни какое препятствіе не удерживало теченія его побѣдъ, и надъ всемъ показывалъ свое мщеніе. Азеръ не долго былъ праздленъ и не хотя ожидать, пока осадятъ ево въ его резиденціи, вышелъ въ поле со всемъ войскомъ,

сколько могъ собрать, и со всѣмъ своимъ шляхетствомъ. Молодой Мидлесексъ хотѣлъ съ нимъ итти, но Азеръ его удержалъ и принудилъ его ограничить свою горячность исполняя его повелѣнія, которыя онъ учинилъ для безопасности Принцессы.

Принцесса не могла видѣть отъѣзда супруга своего безъ крайней болѣзни, и сей Принцъ не могъ разлучиться съ нею спокойно. Прощаясь съ нею показалъ въ себѣ такую жалость, что ідолопоклонной и суевѣрной народъ изъ того заключалъ печальное предвозвѣщаніе, и пораженъ будучи еще не чувствуя удара, казался такъ смущенъ, какъ бы непріятели уже вошли въ городъ. Одна только Корнелія пребывала въ твердости посреди сего всеобщаго смущенія, и хотя сообщала слезы свои съ Принцессиными, однакожъ разговоры ея показывали такую крѣпость, которая была свыше лѣтъ ея и рода, она о Мидлесексѣ была въ страхѣ, но видя его при себѣ оставленна думала, что ей нѣчего больше бояться.

Между тѣмъ Эссексъ не открывая себя Тринобантамъ продолжалъ свою побѣду, давая чувствовать имъ

всю ярость раздраженнаго побѣдителя, и свѣдавъ чрезъ курьеровъ, что Азеръ выступилъ съ своимъ войскомъ, поспѣшалъ своимъ походомъ, дабы ему баталїю дать какъ возможно ближе къ резиденцїи, которую всю солдатамъ своимъ на добычу дать обѣщалъ. А надѣясь совершенно побѣдить своего непрїятеля, приказалъ своему войску, чтобъ какъ возможно старались брать въ полонъ, и ежели кто попадется изъ Азеровой фамилїи, котораго бъ полу ни былъ не умерщвлять, но только оковать желѣзомъ и ему представить, дабы онъ самъ варварское удовольствїе имѣть могъ заколоть его на жертву Апису своему Їдолу.

По семъ распоряженїи поспѣшалъ онъ непрїятелю своему на встрѣчю. Азеръ неменьше его имѣлъ смѣлости и нетерпѣливости, недолго его ждать себя заставилъ, и обѣ армїи сошлись при наступленїи четвертаго дня ихъ походу на пространной и чистой долинѣ, которая прежде завоеванїя Динасовыхъ земель раздѣляла ихъ владѣнїя. Азерова армїя умножившись народомъ бѣгущимъ отъ Эссексовой ярости стала почти равна съ непрї-

ятельскою

ятельскую, но далеко разнствовала отъ оной храбростїю и порядкомъ, по тому что Азеръ времени не имѣлъ обучить сихъ незнающихъ людей, а напротивъ того Эссексово войско состояло изъ обычайныхъ къ войнѣ солдатъ и привыкшихъ къ побѣдамъ, и столько храбрыхъ, сколь знающихъ военное искуство. Азеръ впервые слыша Ессексово имя ласкалъ себя скоро пресѣчь отважность своихъ непрїятелей, зная, что первое нападенїе часто разрѣшаетъ побѣду, зачалъ баталїю приказавъ правому крылу атаковать лѣвое непрїятельское въ то самое время, какъ Эссексово правое напало на Азерово лѣвое крыло. И такимъ образомъ сразясь всемъ войскомъ зачали весьма кровопролитную баталїю, но не смотря на чрезвычайное Азерово старанїе войско ево будучи приведено въ ужасъ Эссексовою храбростїю, которой всѣхъ на встрѣчу себѣ идущихъ смерти предавалъ, потеряло весь порядокъ и не слушая больше голосу отъ своихъ командировъ обратилось въ бѣгъ. Эссексъ видя побѣгъ непрїятелей погнался за ними въ великой запальчивости и рубилъ всѣхъ, кого догнать могъ.

Азеръ будучи раненъ и безъ всякой надежды не могъ и въ городѣ себѣ спасенія сыскать, куда побѣдоносные Гентяне пресѣкли ему путь, для того принужденъ былъ обратиться къ сторонѣ моря и искать безопасности своей въ претемныхъ лѣсахъ, и престрашныхъ пещерахъ. А между тѣмъ эссексъ пользуясь своею побѣдою и страхомъ разсѣяннымъ въ Тринобантахъ приближался къ городу съ великою скоростію. Нѣкоторые бѣглецы принесли уже въ него извѣстіе о потеряніи баталіи Смятеніемъ и безпорядкомъ смущенный и побѣдителевою яростію въ страхъ приведенный народъ выбѣгалъ великимъ множествомъ просить у него милости. Малое число солдатъ спасшихся своею обороною, видя себя оставленныхъ и городъ пустъ, послѣдовали народу не хотя слушать Мидлесексовыхъ повѣленій и не смотря на слезы отчаявающихся Принцессъ. Въ такой крайности будучи Принцъ печаленъ о опасности своей матери и любезной Корнеліи, и вознамѣрившись прежде умереть нежели видѣть ихъ во власти непріятельской, собралъ остальную гвардію вкругъ себя, и обязалъ

залЪ ихЪ присягою послѣдовать его примѣру; сдѣлалЪ изЪ нихЪ небольшой корпусЪ, вЪ средину котораго поставилЪ любезную свою родительницу, Корнелїю, Ултону и знатнѣйшихЪ госпожЪ; и такЪ пошолЪ вЪ АписовЪ храмЪ какЪ во освященное прибѣжище, на которое непрїятель напасть не дерзнетЪ, зная, что прежде всего побѣдитель обратится во дворецЪ искать богатства. И такимЪ образомЪ здѣлавЪ вЪ предмѣстїи храма вкругЪ себя возможныя укрѣпленїи приготовился ко оборонѣ сЪ своею гвардїею и большею частїю жрецовЪ и храмныхЪ служителей, которые на вспоможенїе ему вооружились, и ожидалЪ разрѣшенїя судбы своей сЪ героичною смѣлостїю.

Сей храмЪ поставленЪ былЪ на вершинѣ холма внѣ города. Задняя стѣна онаго защищаема была престрашными стремнинами, а ко входу надлежало итти узкимЪ проходомЪ лежащимЪ между холмовЪ; и сей путь шелЪ кЪ воротамЪ храма отчасу уже, такЪ что для взятья воротЪ надлежало необходимо войску итти тѣмЪ узкимЪ путемЪ, вЪ которомЪ

торомЪ больше трехЪ человѣкЪ вЪ рядЪ умѣститься не могли, и сїе дѣлало Мидлесексу добрую оборону противЪ непрїятелей будучи сЪ высоты имЪ противиться, не имѣя противЪ себя больше трехЪ человѣкЪ. Но тѣмЪ временемЪ, какЪ ево разумЪ трудился для безопасности того, что ему мило; и какЪ его мать, Корнелїя, Ултона, и прочїе сЪ ними бывшїе день и ночь со слезами молились предЪ олтаремЪ, ЭссексЪ вошелЪ вЪ городЪ безЪ всякаго сопротивленїя и обѣщалЪ всеобщее прощенїе, ежели выдадутЪ ему всю Азерову фамилїю. ОнЪ намѣренЪ будучи принесть оную вЪ жертву не объявляя себя, не открывалЪ лица своего сЪ того времени, какЪ вошелЪ вЪ Тринобантскую землю, а когда и принужденЪ былЪ разоружить свою голову, то покрывалЪ оную нѣкоторымЪ легкимЪ шишакомЪ, у котораго здѣлано было покрывало до самой шеи, и тѣмЪ онЪ закрывалЪ всегда свое лице, такЪ что могЪ видѣть и говорить не опасаясь, чтобЪ ево и по голосу узнали, которой чрезЪ сїе покрывало со всѣмЪ отмѣненЪ казался отЪ его натуральнаго. ОнЪ со всѣмЪ былЪ вооруженЪ, входилЪ вЪ городЪ

и

и чтобъ не быть обязану открыться, клялся предъ всѣми не скидать прежде своего оружїя, пока не удовольствуетъ своего отмщенїя, отъ чего Тринобанты тѣмъ болѣе ужасны были, чемъ меньше знали тому причину. Азеровъ дворецъ претерпѣлъ всю ярость отъ солдатъ, и совсѣмъ былъ разграбленъ, но Эссексъ не нашелъ того, чего искалъ, и думалъ, что скрыли отъ него фамилїю его непрїятеля, велѣлъ грабить весь сей нещастливой городъ; но въ то самое время увѣдомили ево о убѣжищѣ всей княжеской фамилїи. По сему извѣстїю не давъ войскамъ своимъ нималаго отдохновенїя повелъ оное ко взятью храма, приказывая, живыхъ взять тѣхъ, которые скрылись въ немъ, но не могъ завладѣть онымъ такъ скоро, какъ чаялъ. Храброй Мидлесексъ еще больше ему препятствїя здѣлалъ своимъ удивленїя достоинымъ сопротивленїемъ, нежели крѣпостїю того мѣста. Сїи трудности нимало не уменшили Эссексовой запалчивости, но еще оную больше воспламенили, и не осталось никакихъ средствъ, которыхъ онъ для исполненїя намѣренїя своего не

упощ-

употребилЪ. МидлесексЪ конечно бы щасливЪ былЪ разорить его замыслы и уничтожить надежду погублениемЪ всей его армiи, ежели бы число бывшихЪ при немЪ помощниковЪ было больше. Хотя онЪ всегда только противЪ трехЪ бился, потому что на убитыя мѣста другiе наступали, однако вЪ каждомЪ сраженiи терялЪ по шести своихЪ противЪ одного Ессексова солдата, и скоро остался одинЪ для обороны входа вЪ храмЪ. Гентяне видя, что ему уже никто не помогаетЪ приложили всѣ свои силы, и бросясь вдругЪ великимЪ множествомЪ одолѣли на конецЪ храбраго Мидлесекса, которой видя ихЪ ворвавшихся не думалЪ больше ни очемЪ, какЪ только умереть у ногЪ своей любезной Корнелiи. ВЪ семЪ печальномЪ намѣренiи побѣжалЪ кЪ ней, но какое зрѣлище представило его глазамЪ! Нѣкоторые грубые солдаты раздраженные претерпѣннымЪ сопротивленiемЪ, какЪ скоро увидѣли красоту несравненной Корнелiи, то забыли повелѣнiе своего Генерала, и вмѣсто того, чтобЪ заарестовать Мидлесекса, взяли сiю нещастливую, и не смотря на ея сопротив-

противленіе, и забывъ почтеніе должное тому мѣсту вознамѣрились учинить оное театромъ богомерскаго любострастія, ежелибы храброй Мидлесексъ наполненъ ярости и отчаянія не перерубилъ сихъ отважныхъ, которые ее во власти своей уже имѣли.

Но сей ударъ сохранившій Корнелію окончалъ его свободу, и былъ послѣдней къ ея оборонѣ. Непріятели всѣ вдругъ на него бросясь обезоружили, связали и не имѣли больше времени исполнить противъ Корнеліи своего намѣренія, потому что Ессексъ уже подходилъ съ оставшимъ своимъ войскомъ. И такъ ее, Мидлесекса, Азерову супругу, Ултону и прочихъ съ ними оковали, и въ семъ состояніи представили своему генералу, и чая, что Азерова супруга мать Принцу и Принцессѣ отдали ихъ Эссексу за Азеровыхъ дѣтей. Эссексъ не удостоя ихъ своего взора приказалъ отвесть въ безопасное мѣсто, завладѣлъ храмомъ, простилъ оставшимся жрецамъ, оставилъ въ немъ довольной караулъ и возвратился во градъ больше радуясь о томъ, что получилъ Азерову фамилію въ свою власть, нежели

нежели о завоеванїи всей ево земли. Сею радостїю успокоенъ будучи запретилъ грабежъ, обѣщалъ Гентянамъ другое награжденїе, возстановилъ спокойство въ городѣ, и велѣлъ публиковать, что Тринобатяне могутъ возвратиться въ свои домы и зачать обычайныя свои ремесла, не опасаясь ни смерти ни неволи, и чтобъ чрезъ три дни народъ собрался во храмъ, гдѣ онъ торжественную жертву богамъ въ возблагодаренїе за свою побѣду приносить будетъ, и объявитъ причины сей войны. Сїя милость всѣхъ обрадовала и плачь престалъ, страхъ уменшился, и тѣ самые, которые разбѣжались возвратились покориться побѣдителю. Остатокъ побѣжденнаго войска учинилъ тожъ, и въ три дни спокойство такъ изрядно заступило мѣста смятенїя и страха, что нималаго знаку не осталось бывшихъ безпорядковъ.

Между тѣмъ Эссексъ не нашолъ принца Азера между мертвыми, разославъ многихъ Гентянъ съ двумя знатными Тринобантами для сыскания его и взятья въ полонъ. Ессексъ учреждалъ все потребное къ своему

мщенїю;

мщенію, и время жертвоприношенія отъ времени до времени становилось ближе. Тогда Азерова супруга, Мидлексъ и Корнелія, которыхъ за недостаткомъ мѣста не разлучили, препровождали время ободреніемъ другъ друга къ смерти. Принцесса не сумнѣваясь, что Азеръ убитъ, не размышляла бы долго ему послѣдовать, и ежелибы еще не удерживала ее любовь къ ея сыну и Корнеліи: Ты видишь, любезная Корнелія, говорила она ей, что еще есть сердца гораздо не милосердѣе Азерова, и что предстоящая намъ судба далеко превосходитъ лютостію своею ту, въ которую тебя онъ ввелъ. Корнелія забывъ чрезъ настоящее свое нещастіе то, что ей о прошедшемъ расказывали, смотря на нее съ искреностію говорила: для чего не могу я одна удовольствовать жестокость вашихъ непріятелей, смерть мнѣ опредѣленная была бы ни мало не ужасна, ежели бы я увѣрена была жизнію тѣхъ, которые мнѣ миляе всѣхъ на свѣтѣ

Не надѣйтесь, говорилъ Мидлесексъ, чтобъ я допустилъ когда умертвить кого изъ васъ. Любовь, и естество

естество обязуютъ меня защищать до послѣдняго дыханія; смягчу, не сумнѣвайтесь, жестокость нашего непріятеля и увѣря, что онъ меня только одного бояться долженъ, приневолю обратить всю ярость его на меня одного. Сколь щастливъ бы я былъ, ежели бы погибши за сохраненіе вашей жизни съ именемъ достойнаго Азерова и его супруги сына взялъ съ собою во гробъ преславный титулъ жениха Принцессы Тринобатской.

Любезный Мидлесексъ, отвѣчала она ему, престанемъ спорить о первенствѣ смерти, оставимъ богамъ предѣлъ нашей жизни, и когда мы оную получили отъ нихъ, то предадимъ оную въ ихъ власть; между тѣмъ будь увѣренъ, что Мурція твоя, и что хотя немилосердый предѣлъ лишитъ ея того счастія, чтобъ жить съ тобою, однако не можетъ отнять отъ нее чести послѣдовать тебѣ во гробъ. О дѣти мои, вскричала при семъ печальная Мидлесексова мать, сколь рада бы я была, ежели бы боги меня только одну жертвою себѣ избрали, и наградилибы вашу добродѣтель наищастливѣйшею жизнію. Такимъ

Такимъ то образомъ приуготовлялись сіи нещастливые къ ожидаемой смерти. Между тѣмъ едва только третій день первыми лучами солнца увѣдомилъ Тринобантовъ о своемъ пришествіи, тогда народъ зачалъ собираться великимъ множествомъ въ Announced храмъ; жрецы украсили въ немъ олтари и приготовя все къ великолѣпію сего кроваваго дѣйствія, ожидали только Эссекса и жертвы. Сей князь, котораго одно только мщеніе сдѣлало жестокимъ, чая, что онъ всею Азеровою кровію долженъ за смерть своей дочери, и нетерпѣливъ къ пролитію оной прибылъ во храмъ со всѣми знатнѣйшими своей арміи. Онъ со всѣмъ былъ вооруженъ такъ какъ бы итти противъ непріятеля, лице и глава были закрыты; звукъ военныхъ инструментовъ возвѣстилъ входъ ево въ храмъ, и какъ скоро онъ пришелъ къ олтарю, то приказалъ тотчасъ привести Азерову супругу и его дѣтей съ тѣми изъ его свиты, которые съ ними умереть хотѣли. По сему приказу увидѣли тотчасъ Принцессу, Корнелію, Ултону и Мидлесекса ведомыхъ всѣхъ съ завязанными глазами, и руки окованы цѣ-

пями, слезы покрывали все лице Принцессы и Ултоны, а Корнелїя и Мидлесексъ шли съ бодростїю и стали предъ олтаремъ не такъ какъ назначенные къ жертвѣ, но какъ небоязливые Герои. Ихъ младость, прїятность и красота принудили народъ къ жалостному воплю, но сею жалостїю Эссексъ будучи раздраженъ приказалъ молчать. И какъ сїи варвары обычай имѣли дѣвицъ приносить прежде на жертву, то взялъ онъ ножъ, и поднялъ уже руку на невинную Корнелїю, но Мидлесексъ свѣдавъ отъ проводниковъ своихъ то, что онъ дѣлать хочетъ вскричалъ: стой Гентскїй Генералъ, и на меня одного обрати дѣйствїе твоего мщенїя, ежели какая особливая ненависть возбуждаетъ тебя противъ Азеровой крови, я его сынъ, а прекрасная Корнелїя не отъ него рождена. Какую честь получишь ты отъ сей жертвы, и какая награда будетъ тебѣ за то? Ежели ты поступаешь только по повелѣнїю твоего Короля, то могла ли Корнелїя, которой онъ не знаетъ, заслужить его ненависть, и ея смерть можетъ ли безопасною сдѣлать твою побѣду? Не помрачай славы варвар-

варварствомъ недостойнымъ великодушнаго сердца, и когда я только одинъ наслѣдникъ Азерова владѣнія, и единый плодъ его супружества, такъ умертви меня одного, и почти въ Корнеліи наисовершеннѣйшую красоту дарованную отъ тѣхъ самихъ боговъ, которымъ ты ея въ жертву принесть хочешь.

Ессексъ удержалъ руку свою, но не отъ Мидлесексовыхъ словъ. Нѣкоторое внутреннее движеніе къ тому его принудило, онъ взглянулъ на Корнелію, а притомъ изумясь твердости сего молодаго Принца старался въ словахъ его познать причину, которая склоняла его просить ей милости, и не зналъ, что дѣлать. Тогда Корнелія зачала говорить съ кроткою величавостію; Не принимай, государь, сей неправой прозбы, но буде сердце твое жалость имѣетъ, то покажи милость Мидлесексу, моя жизнь безполезна, а его драгоцѣнна, удовольствуй ненависть твою моею смертію, а твою славу дарованіемъ ему жизни, оставь памяти твоей сей примѣръ великодушія; но буде ты намѣренъ его умертвить, то не разлучай двухъ сердецъ соединен-

ныхъ тѣснѣйшимъ союзомъ, это правда, что онъ мнѣ не братъ, но мой женихъ.

Ессексово смущенїе умножалось каждую минуту, и будучи отъ природы сожалителенъ чувствовалъ сердце свое терзаемо неизвѣстными движенїями, смотрѣлъ на нихъ прилѣжно, и на конецъ вздохнувши говорилъ: какимъ волшебствомъ такїя слабыя причины удерживаютъ мою руку, или только для тебя одного, жестокїй Азеръ соблюдено отмщенїе; не насытилсяли ты моею кровїю, такъ долженли мнѣ трепетать предъ пролитїемъ твоей? Нѣтъ, продолжалъ онъ въ ярости, пускай робкїя и боязливыя сердца даютъ пощаду и имѣютъ жалость. При сихъ словахъ взявъ одною рукою Корнелїю, а другою держа ножъ говорилъ: Ты будешь довольна, Мидлезексова невѣста, или Азерова дочь, мнѣ все равно, вы оба погибнете.

О Динасъ, о родитель мой, вскричала при семъ Принцесса! Куда ты удалился, претемные лѣса, или дикїя пустыни сокрыли тебя въ своихъ пещерахъ, чувствуетъ ли твое сердце, что дщерь твоя горестно

жизнь кончаетъ, или уже ты сокрылъ лице свое во гробъ, чтобъ невидѣть сего жестокаго рока, которой бы тебя терзалъ немилосердно? О предѣлъ небесный! зачто намъ такъ жизнь кончать назначилъ? Ахъ естьли ты нещастный князь живъ, и оплакиваешь свое злополучїе, то сколь болѣзненно тебѣ будетъ, когда ты свѣдаешь, что великодушный и сожалительный Азеръ преодолѣвъ желанїи своего мщенїя помиловалъ нещастливую Мурцїю, а непрїятель будучи гораздо его немилосердѣе приноситъ ея лютости своей въ жертву.

Отъ сихъ жалкихъ словъ Ессексъ уронилъ ножъ изъ рукъ, не могъ отъ трепету стоять, но прислонившись къ олтарю: что я слышу, говорилъ къ Корнелїи, какое имя ты называешь. и ково свидѣтелемъ представить можешь, что Динасъ твой отецъ? Сихъ нещастливыхъ, отвѣчала она, Азера, его супругу и Мидлесекса, которые избавили меня отъ смерти, и Ультону увезенную со мною. Ультону! вскричалъ Ессексъ восхищенъ отъ радости и изумленїя. О дочь моя, продолжалъ онъ ея об-

нимая и снимая съ рукъ ея желѣзы: я Динасъ, я твой отецъ, которой чая отмстить твою смерть едва не сдѣлался твоимъ убiйцею. Сiе нечаянное приключенiе премѣнило молчанiе на крикъ. Смущенный вопль слышанъ сталъ со всѣхъ странъ храма, и каждой тѣснился видѣть Ессекса, и слышать его слова, тѣснота была столь велика, что караулъ поставленной вокругъ назначенныхъ на жертву не могъ устоять на мѣстѣ, но народъ протѣснился не смотря на ихъ сопротивленiе до самого олтаря.

Между тѣмъ прекрасная Мурцiя чувствуя въ себѣ чрезъ Динасовы ласканiя силу естественныхъ движенiй, показывала ему оныя съ такими прiятностями, что онъ отъ слезъ удержаться не могъ; онъ спросилъ Ултону, которая тотчасъ къ нему подошла, какъ скоро услышала о его имени, онъ узналъ ее еще прежде нежели развязали глаза, и открывъ свое лице, котораго величаваго взгляда шеснатцатилѣтнее нещастiе и безпокойство отнять не могли, тотчасъ слышанъ сталъ крикъ во всемъ храмѣ: это динасъ, это Тринобатскiй Принцъ. Это правда, народъ, правда,

да, солдаты, говорилъ сей Принцъ громкимъ голосомъ, вы видите подъ именемъ Эссекса того Динаса, которой вмѣстѣ съ Азеромъ столь долгое время давалъ вамъ законы, я вѣрилъ лживому слуху, чаялъ Мурцїю умерщвленну отъ моего непрїятеля, хотѣлъ за нее отмстить, хотѣлъ возвратить мое владѣнїе и пронзить Азерово сердце тоюжъ язвою, которою онъ ранилъ мое. Но увы! что хотѣлъ я сдѣлать? Корнелїя моя дочь, и я едва не сдѣлался ея убїйцею, желая быть ея отмстителемъ. Слезы пресѣкли ево рѣчь, и невозмогши отъ рыданїя больше говорить обнялъ Мурцїю восхищенъ движенїями естественными, кои ясно показывали, сколь чувствительно ему то преступленїе, которое учинить былъ намѣренъ. Прекрасная Принцесса, которая во всей радости своей въ сысканїи своего родителя боялась еще лишиться Мидлесекса, пользуясь симъ щастливымъ часомъ и свободившись отъ обьятїй своего отца упала къ его ногамъ и говорила: окончай, милостивый государь, окончай намъ показать великодушнаго Динаса, зри Мурцїю лежащую у твоихъ ногъ, и про-

сящую себѣ смерти или дарованія жизни Мидлесексу и его матерѣ; я должна жизнію моею великодушному сожалѣнію сей Принцессы, и должна честію моею храбрости ея сына; смертію ли воздать надлежитъ за ихъ благодѣяніи? Нѣтъ, государь, ежели я не могу отнять изъ сердца твоего неправую противъ ихъ ненависть, то довольна одною минутою твоего взора, сіе желѣзо, продолжала она взявъ съ олтаря ножъ, котораго естественныя движеніи тебя не допускаютъ вонзить въ мое сердце, пробѣетъ собственною рукою грудь мою. О Мурція! говорилъ Динасъ удержавъ руку ея, разсуждай полезнѣе о давшемъ тебѣ жизнь, и ежели тайныя движеніи еще не дѣйствуютъ противъ меня во внутренности твоего сердца, такъ познай оныя чрезъ добродѣтель во мнѣ обитающую. При сихъ словахъ оставя олтарь подошелъ къ Азеровой супругѣ и Мидлесексу и приказавъ снять съ нихъ оковы говорилъ: молодой Герой, и ты великая Принцесса, окончаемъ наши брани, пусть Мурція будетъ между нами союзомъ мира, я соглашаюсь ея избранію и возвращаю вамъ

ваше владѣнїе, но сколь несравненно бы еще былъ щастливъ, ежели бы могъ вамъ возвратить и Азера, и окончить наши ссоры вѣчнымъ съ нимъ примиренїемъ.

Принцесса Азерова супруга и Мидлесексъ не имѣли времени отвѣчать; шумъ смѣшенной со слезами и воплемъ, въ которомъ слышно было Азерово имя, въ томъ имъ помѣшалъ, и принудилъ всѣхъ обратить глаза въ ту страну, откуда оной произходилъ. Они скоро узнали онаго причину. Народъ раздался и показалъ Азера провождаема тѣми, коихъ Динасъ послалъ его искать; онъ былъ безъ оружїя, однакожъ казался быть въ почтенїи, двое изъ Динасовыхъ вели его подъ руки для его раны. Великодушной Мурцїинъ отецъ какъ скоро его увидѣлъ, пошелъ тотчасъ ему на встрѣчу, и взявъ ево за руку говорилъ: храбрый Азеръ, забудемъ вѣчно всѣ смущенїи, въ которыя ненависть и мщенїе насъ ввели; святымъ союзомъ загладимъ оныя изъ нашей памяти, послѣдуемъ разумному примѣру нашихъ дѣтей, станемъ подражать ихъ добродѣтели, и престанемъ быть непрїя-

 тели;

тели; и когда я въ тебѣ теперь познаваю благодѣтеля моей дщери, такъ не откажи и мнѣ честь имѣть назваться отцемъ твоего сына. Сїи слова и Динасово присутствїе въ такое изумленїе привели Азера, что казалось ему, что онъ почти глазамъ своимъ вѣрить сомнѣвался. На конецъ пресѣкши молчанїе говорилъ: возможноль вѣрить, что Динасъ со мною говоритъ, Динасъ требуетъ мира? Не сомнѣвайся, государь, отвѣчала ему супруга ево обнявъ ево, сей столь великодушной Принцъ, каковъ ты, почтилъ дни наши, наиболшая ненависть уступаетъ въ сердцѣ его мѣсто искренней дружбѣ. Теперь я вѣрю, праведныебоги, вскричалъ тогда Азеръ, я напрасно противиться хотѣлъ вашему предѣлу, и чувствуя всю драгоцѣнность вашего милосердїя, великїй Принцъ (продолжалъ онъ обнявъ Динаса) когда храбрость твоя покорила подъ твою власть Азерово владѣнїе и жизнь, то великодушїе твое еще больше покажетъ тебѣ ево сердце! Сїи слова провождаемыя яснѣйшими знаками истиннаго примиренїя наполнили весь храмъ восклицанїемъ имянъ Азера и Динаса, и Мидлесексъ

сексЪ и Мурція восхищенны радостію и любовію обнимали попеременно колена сихЪ двухЪ ГероевЪ. Супруга Азерова приносила благодареніе богамЪ и Улитонуневозможно было отвлещи отЪ Динасовыхъ ногЪ, ничего невидно было во всемЪ храмѢ кромѢ радости и веселія. По окончаніи перьвыхЪ движеній Принцы приказавЪ быть тишинѢ подошли оба кЪ олтарю наполнены равнымЪ движеніемЪ великодушія, и клялись вѢчною дружбою, а для лутчаго и утвержденія сей клятвы намѢрились окончать благополучіе своихЪ дѢтей, и чтобЪ сей храмЪ назначенной позорищемЪ ихЪ смерти былЪ театромЪ ихЪ щастія и союзомЪ супружества, утвердилЪ бы союзЪ ихЪ любви. ВеликолѢпіе сей церемоніи не могло быть достойнѢе сихЪ новыхЪ супруговЪ, какЪ великимЪ числомЪ знатнѢйшихЪ ихЪ служителей, такЪ и безчисленнымЪ множествомЪ собравшагося тогда во храмѢ народа.

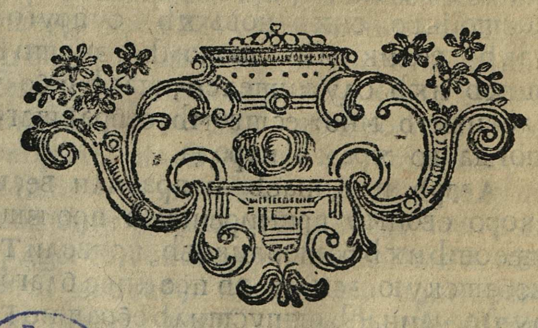
АзерЪ и ДинасЪ исправили весьма скоро своимЪ примиреніемЪ произшедшее отЪ ихЪ безпорядковЪ, привели Тринобатскую землю вЪ прежнее благополучіе. ДинасЪ отпустилЪ обратно ГентянЪ сЪ награжденіемЪ довольнымЪ за

получен-

полученную отЪ нихЪ услугу, и отправилЪ пословЪ для увѣдомленія о семЪ щастливомЪ приключеніи, и благодареніе за ево помощь послѣ сего щастливаго времени АзерЪ и ДинасЪ жили вЪ совершенной дружбѣ. Любовь Мурціи и Мидлесекса продолжалась до конца ихЪ жизни.

Сіи щастливые и вѣрные супруги для увѣренія потомковЪ истинною сей исторіи построили два преизрядные города одинЪ МидлесексовымЪ а другой ЭссексовымЪ именемЪ, которыя нынѣ два вЪ Англіи графства изЪ наилутчихЪ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ И ВТОРАГО ТОМА.

КАТАЛОГЪ

Книгамъ и гридыровальнымъ фигурамъ по алфавиту, которые можно купить въ книжной Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса лавкѣ, у переплетчика Карла Тидцелгуса, и почему цѣною.

	руб:	коп:
А.		
Азбука нѣмецкая съ воκаболами		13.
Азбука россійская		4.
Амфитріонъ комедія		30.
Аглинской Философъ или житіе клевеланда томъ I. на бѣлой бумагѣ		70.
на сѣрой		60.
Аглинской философъ томъ II. на бѣлой		80.
на сѣрой		70.
Аделѣида, африкансая повѣсть		30.
Аглинская сирота, четыре тома каждой на бѣлой по		85.
на сѣрой		75.
Ариѳметическія предложенія сочиненныя артиллеріи Капитаномъ Яковомъ Козельскимъ		

на

	руб.	коп.
на бѣлой	1.	
на сѣрой		90.
Аглинская повѣсть о графѣ Оксфортскомъ и о Миладіи Гербіи		
на бѣлой		25.
на сѣрой		20.

Б.

	руб.	коп.
Бесчастной Флоридаръ		70.
Билеты разные листъ		5.

В.

	руб.	коп.
Возмущеніе противъ Венеціи трагедія		25.
Воспитаніе дѣтей		38.
Вексельной уставъ		20.
Все или ничево		15.
Военныя правила Вегеціевы		55.
Выбранныя изъ языческихъ писателей Исторіи томъ I. и II. каждой по	1.	
Воспитаніе дѣвицъ		55.

Г.

	руб.	коп.
Гофмана двѣ части каждая по		60.
Геометрія практическая томъ I. II. каждой		
на бѣлой по	1.	10.
на сѣрой	1.	
Географія политическая томъ I.		50.

	руб.	коп
Географїя политическая томъ II.		70.
Географїя политическая томъ III. на бѣлой		55.
насѣрой		50.
Графиня савойская на бѣлой		35.
на сѣрой		30.
Геройской духъ и любовныя прохлады		
Густава вазы Короля Шведскаго на бѣлой	1.	10.
на сѣрой	1.	
Гофмейстеръ шляхетной		60.
Грамматика французская съ россїйскимъ на бѣлой		85.
на сѣрой		80.
Д.		
Дѣтское училище томъ II. и III. каждой по		90.
Дворянское училище на бѣлой	1.	
на сѣрой		90.
Е.		
Еженедѣльныя изданїя 1759. года, весь годъ на бѣлой	2.	50.
на сѣрой	2.	
Еженедѣльныя изданїя 1760. года, весь годъ	2	
Епикариса, или тайная повѣсть о заговорѣ Пизона противъ Нерона		75.

	руб.	коп.
Естественное право		50.
Ж.		
Журналъ военнымъ дѣйствїямъ россїйской императорской армїи съ начала войны часть I.	I.	50.
часть II.	I.	20.
часть III.	I.	
Житїе славныхъ въ древности мужей томъ I.		
на бѣлой	I.	10.
на сѣрой	I.	
Жизнь Олимпы или приключенїи Маркизы де *** томъ I. въ трехъ частяхъ состоящей на бѣлой		80.
на сѣрой		75.
И.		
Исторїя о персидскомъ шахѣ Тахмасъ Кулыханѣ	I.	20.
Изабелла Мендоза		30.
Исторїя о Ишпанскомъ принцѣ Донъ Карлосѣ		30.
Исторїя о виконтѣ Тюреннѣ въ двухъ томахъ съ гридированными фигурами на московской бумагѣ	I.	5.
на бѣлой	I.	10.

Извѣ-

	руб:	коп:
Извѣстїе о заводахъ коровьихъ		25.
Кадетской списокъ съ атестатами по 742. годъ		50.
Климово подземное путешествїе на бѣлой	1.	50.
на сѣрой	1.	40.
Краткїе разговоры о разныхъ вещахъ	1.	20.
Любовный вертоградъ		50.
Любовь Кариты и Полидора		50.
Лексиконъ Французской по россїйскому алфавиту	2.	
Любовь безъ успѣха на бѣлой		50.
на сѣрой		40.
Любовь горестная Маркиза де Толедо		55.
Любовь безъ слабости		50.
М.		
Михайла Монтанїевы опыты		80.
Мореплаванїя Аглинскаго капитана Рихарда Фальконера на бѣлой		80.
на сѣрой		70.
Н.		
Новаго Телемака три тома каждой по		75.
Несчастная Флорентинка		50.
Новыя Нравоучительныя басни		50

	руб:	коп:
Невинное Упражненіе полгода	2	
Нескромной Комедія		15.
О.		
Оракулъ комедія		10.
Ода на возшествіе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на всероссійскій престолъ		10.
Оды двѣ на пришествіе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА изъ Москвы въ Санктпетербургъ каждая по		10
Ода на день рожденія ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА 1765 года		10.
Описаніе городовъ	1.	
Описаніе мундирамъ строеваго убранства		15.
П.		
Побочной сынъ короля Наварскаго		50.
Похожденіе Зелинта на бѣлой		30.
на сѣрой		25.
Приключеніи Ѳемистокла	1.	
Похожденіе Аристея и Телазіи на бѣлой	1.	
на сѣрой		90.
Поема, сугубое блаженство		15.

Поема

	руб:	коп:
Поема, на похвалу истинны		30.
Пѣснь надгробная Г. Ломоносову		5.

С.

Счастливой флорентинецъ		70.
Состоянiе человѣческой жизни		40.
Свѣтская школа или отеческое наставленiе сыну томъ I.	1.	50.
Свѣтская школа томъ II.	1.	50.
Свойство совершенной женщины		30.
Сто новыхъ новостей томъ I. и II. на бѣлой по		65.
на сѣрой по		60.

Т.

Товарищъ разумной и замысловатой томъ I.		75.
Товарищъ разумной и замысловатой томъ II.		70.

Ѳ.

Ѳеофановы проповѣди часть I.	2.	
Ѳеофановы проповѣди часть II.	1.	50.
она же съ портретомъ	1.	60.

Ѳеофановы

	руб: коп:
Ѳеофановы проповѣди часть III. и послѣдняя	1. 50.

)о(

